КРОКОДИЛ

— Последнее, что я помню: каждая несушка района должна дать по двести яиц...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

— Если машины еще немного не придут, то и без штанов останемся!..

Рисунок И. СЫЧЕВА

Г. КЕМОКЛИДЗЕ

ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРУДНОСТЕЙ

— Так-так,— сказал Иван Петрович, перелистывая бумаги, которые я принес по его требованию,— план по валу у вас выполняется, по ассортименту выполняется, по новой технике тоже, и по производительности труда в порядке, и по освоению мощностей. Ну что ж, хорошо. А как обстоят дела с планом по преодолению трудностей?

— Мало у нас трудностей,— признался я.— Мы так удачно организовали работу, что все идет как по маслу.

— Масло меня сейчас не интересует,— заметил Иван Петрович.— Меня интересует, почему у вас нет трудностей, если запланировано их преодоление. Вы разве не знаете, что план — это закон? И вообще что за план без трудностей! Его расценят как явно заниженный. Кроме того, преодоление трудностей закаляет и формирует кадры.

— Но что делать, если трудностей нет? — жалобно спросил я.

— Если нет, то их надо создать,— твердо сказал Иван Петрович.— Сколько станков у вас на участке? Десять? Остановите один и приложите все силы, чтобы выполнить план на оставшихся девяти.

Через месяц я снова пришел к Ивану Петровичу.

— Ну, как дела с планом по преодолению трудностей? — первым делом спросил Иван Петрович.

— Прекрасно,— похвастался я,— выполнен на двести семьдесят процентов. Правда, за счет планов по валу, ассортименту, новой технике, производительности труда и внедрению новых мощностей.

— Это почему же? — недовольно вскинул брови Иван Петрович.

— Станок, который простаивает, недодал продукции, сократив ее ассортимент,— пояснил я.— А работа этого станка учитывалась планом новой техники и новых мощностей. Разумеется, и производительность уменьшилась.

— Ну вот что,— сказал Иван Петрович, полистав бумаги,— поскольку план по преодолению трудностей выполнен, надо подтянуть все остальные планы. Сегодня же пускайте десятый станок.

— Не выйдет, Иван Петрович,— со вздохом сказал я.— Рабочий, который на нем работал, уволился.

— Не по плечу, значит, ему оказалось преодоление трудностей,— презрительно сказал Иван Петрович.

— По плечу, оно, может, и по плечу,— возразил я,— только вот не по карману.

— Да,— сказал Иван Петрович,— есть у нас еще люди, которые больше думают о себе, чем о деле.

г. Ярославль.

— Терпеть не могу подхалимов возле себя...

Рисунок О. КОРНЕВА

А. ГОЛУБ,
специальный корреспондент Крокодила

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Репортаж с хлебного фронта

Я ехал с севера на юг. Фронт двигался с юга на север и, по расчетам фенологов, должен был проходить где-то в районе Орла.

Проплыли омытые дождями поля Подмосковья. Густо зеленея, они ничем не напоминали о том, что стоял уже конец июля. Немного южнее, на посевах Тульской области, кое-где просматривалась желтизна. Хлеба здесь только-только достигали восковой спелости.

Первое серьезное предупреждение о приближении к хлебоуборочному фронту, первую, можно сказать, боевую машину я встретил километрах в двадцати от Мценска. По обочине шоссе протарахтел самоходный комбайн, снабженный навесной жаткой. У края дороги лежала скошенная в валки рожь.

А затем снова все стихло, и мне показалось даже, что я еду не на юг, а на север, не приближаюсь к местам, где наступила уборочная страда, а удаляюсь от них.

Пожилой орловский крестьянин из деревни Николины Дворы, с которым мы присели покурить, сказал:

— У меня, мил человек, сын агрономом в области служит, так что, если хочешь, я все твои сомнения мигом сниму. Погода, негодяйка, все карты спутала. Прежде, бывало, все шло как по маслу. Первыми жатву начинали на юге, а потом уж на севере. А нынче все наоборот. В Мценске, то есть на севере, уже косят, а в южном нашем Дмитровске-Орловском только прицеливаются. Зато на востоке области, в Ливенском и Должанском районах, косят и молотят вовсю.

Прощаясь, он протянул мне узелок с «белым наливом»:

— Возьми на дорожку, а то может случиться, в Курске еще и яблоки зеленые...

Разразившиеся среди лета ливневые дожди и похолодание спутали расчеты не только орловских хлеборобов. Битую неделю простояли наготове комбайны в колхозе «Рассвет», Фатежского района, Курской области, чьи земли начинаются километрах в двадцати от границы с Орловщиной.

Председатель колхоза М. Г. Кочупалов стоял у огромного массива озимой пшеницы и, разминая в ладонях колосья, пробовал крупные зерна на зуб.

— Ей пора уже в амбаре быть, а она все еще чего-то не твердеет,— недовольно ворчал Кочупалов.— Пожалуй, больше недели будет, как произвели контрольный обмолот и каждому комбайну вручили контрольный талон с заданием. И поля уже на загонки разделили. И комбайны в группы объединили. И переходящие вымпелы купили, и эстафетные листки в типографии отпечатали. А она все не зреет... Ну что с ней поделаешь?

И в Курской области хлеба в первую очередь начали созревать не там, где полагается. Только не на востоке, как в Орловской, а на западе.

По мере того, как я приближался к полосе уборки, солнце палило все нещаднее, и в воздухе стал чувствоваться упоительный аромат спелого хлеба. В просветах обрамляющих дорогу зеленых насаждений стали виднеться не только необозримые поля золотистой ржи и пшеницы, но и скирды обмолоченного хлеба. За шумом моторов не слышно стало стрекота кузнечиков. Я достиг переднего края хлебоуборки, попал в самую, можно сказать, гущу жаркой битвы за хлеб.

В Обоянский райком партии я пришел рано утром и тут же узнал, что кого-нибудь из секретарей удастся увидеть разве что вечером. Уборочная страда внесла коррективы в обычный распорядок дня. Бюро райкома заседает в шесть часов вечера.

Первый секретарь райкома Г. Т. Черников принял меня, когда на дворе стемнело. Усталый и запыленный, он долго думал, прежде чем решить, в какое хозяйство меня направить. Район запоздал с началом уборки ровно на неделю. Одновременно созрели рожь, озимая пшеница, овес, ячмень и гречиха. Только поворачивайся!

На следующий день по утренней прохладе я отправился в Стрелецкое отделение совхоза «Рудавский». В тени дубравы у полевого стана расположился сводный механизированный отряд, который возглавлял главный инженер совхоза В. З. Ковалев. Комбайнеры, трактористы, словно танкисты перед боем, осматривали свои машины. Потом к полевому стану подкатил грузовик, из-за высоких бортов которого выглядывала разноцветная россыпь косынок. Он вез в поле женщин и попутно забросил на полевой стан повара Клаву. Из кузова грузовика на землю полетели мешки с овощами и картофелем, а затем из кабины вылезла сама Клава с двумя пузатыми авоськами.

По мере того, как пригревало солнце и с хлебов сходила роса, комбайнеры заводили моторы и выезжали в поле. Вскоре рокот моторов стал доноситься со всех сторон. На уборке стогектарного массива работали три комбайнера — Иван Роженков, Василий Роженков и Анатолий Чальцев. С поля на ток зерно на грузовиках, кузова которых были обтянуты рядниной, отвозили шоферы Сергей Дудкин и Виктор Кондратьев. У одного из них я решил взять интервью.

— Сколько минут уходит на погрузку автомашины?

— А я время не засекаю. Накрою плотненько зерно брезентом и еду осторожненько, чтобы не расплескать. Поспешность нужна в другом, сами знаете, каком деле...

— Сколько времени тратите на одну ездку?

— Минут сорок.

— Не много ли?

— Чай, не песок вожу, а хлебушек. Его и замерить надо и взвесить... И на ладони поласкать.

— Вы бы на элеватор заглянули,— вступил в разговор второй шофер.— По два часа приходится загорать!

Грузовик с совхозным зерном подвез меня к элеватору. Под нестерпимо палящим солнцем у ворот стояли колонны автомашин с хлебом. Между ними метался взмокший директор элеватора Н. И. Зюзько.

— А что я могу поделать?! — сразу же перешел в наступление Зюзько.— Видите, какую башню нового элеватора строим? С двадцатипятиэтажный дом! Поэтому вся территория у нас перерыта, перекопана, и я вроде бы как в плену. Да разве в таких условиях четыреста пятьдесят грузовиков да еще с прицепами легко принять? Три тысячи тонн зерна в день! Это вам не фунт изюма! И посмотрите, какое зерно. Вот, например, ячмень сорта «вальтицкий». Пивоваренный сорт. Пиво из него пенистое, прозрачное. Такой ячмень где попало не бросишь!

Курская земля стала щедрее, и старенький элеватор пришлось срочно перестраивать и дооборудовать. Может быть, поэтому в голосе директора чувствовалась не только обида, но и гордость за то, что так много отменного хлеба поступает в государственные закрома.

...Поздно ночью совхозный сторож Лукьянов провожал меня на ночлег. В темном небе полыхали яркие звезды, с полей дул прохладный ветерок.

— Ох, и хороши же наши места! — говорил Лукьянов, легко ступая рядом.— Прямо курорт. А какие дубы в лесополосах вымахали! Какие дубравы и перелески!.. В двух шагах Псел протекает, вода чистая, быстрая. Прудов понакопали, карпы в них плещутся...

Фронт уборочных работ, растянувшийся с запада на восток, был глубоко эшелонирован. Когда я ехал на юг, передовые позиции его находились в районе курской Обояни и белгородской Прохоровки, у которой когда-то разыгралось величайшее танковое сражение. Курские хлеборобы еще торопливо вступали в уборку, а на Белгородщине, где уже миновала горячка первых дней, равномерно, без спешки отгружали эшелон за эшелоном. Один только колхоз имени XXII съезда КПСС отправил государству три тысячи пятьсот тонн хлеба.

А через неделю, когда я возвращался с юга, уборка хлебов развернулась уже и на Орловщине, захватила Тульскую область и быстро приближалась к Москве.

Фронт двигался на север.

Кстати о людях с крепкими нервами

Е. КРУКОВЕЦ,
специальный
корреспондент
Крокодила

Социологи вкупе с невропатологами категорически утверждают, что в последнее время нервы у человечества малость подрасшатались.

Вот почему, когда встречаешь человека, который с олимпийским спокойствием реагирует на все (даже на игру нашей олимпийской сборной), человека, у которого нервы как бы скручены из прутьев нержавеющей стали, то к нему хочется приглядеться повнимательней. Как это ему удается? Ведь куда чаще наблюдаешь товарища, который ночь не спит, схлопотав какой-нибудь выговоришко без занесения, или теряет самообладание из-за недожаренного в ресторане цыпленка табака.

...Кстати, о цыплятах.

Выращивают их в нашу быстротекущую эпоху на инкубаторно-птицеводческих станциях (ИПС). И на Леовской ИПС тоже выращивают. Правда, когда в 1965 году на должность директора станции была назначена Н. С. Галюзова, в налаженном инкубаторном производстве обнаружились некоторые осложнения. Ибо Надежда Сергеевна очень уж приблизительно соблюдала финансовую дисциплину, а к тому же разбазаривала цыплят по поддельным ведомостям. Это было отмечено вначале строгим выговором, а затем строгим выговором с предупреждением.

Мы уже упоминали о товарище, который ночь не спит, получив обычный выговор. Галюзова же даже после «строгачей» бессонницей не страдала. И даже когда еще через некоторое время ее за провал работы и допущенные злоупотребления освободили от занимаемой должности, она тоже не потеряла спокойствия.

— Никуда они не денутся! Как миленькие дадут такую же работу! — подбадривала сама себя Галюзова.

И точно: никуда они не делись. Директор Молдптицетреста В. А. Рошаховский через несколько месяцев как миленький приказал назначить Галюзову Н. С. ...директором Новоаненской ИПС.

У читателя может возникнуть вопрос: на каком, мол, основании человеку, провалившему работу на одной станции, позволяют руководить другой? Приказ дает четкий ответ на этот вопрос: «Основание: заявление тов. Галюзовой».

Первая же проверка, проведенная через полгода, показала, что на новом месте Надежда Сергеевна успешно внедряет опыт, накопленный на предыдущей работе. За пользование квартирой не платит, в рабочее время занимается дома личными делами, а на станции тем временем исчезают яйца, из которых в будущем могли бы получиться цыплята. Исчезают и цыплята, из которых в будущем могли бы получиться табака и де-воляй. Вместе со своим мужем В. С. Гаврилюком директриса устраивает пьянки, беря деньги в кассе станции.

Одним словом, заместитель министра сельского хозяйства Молдавии тов. В. Е. Батушкин приказал освободить станцию от Галюзовой, а Галюзову от станции.

Нервный запаниковал бы. А Надежда Сергеевна пошла к заместителю министра и растолковала ему, что случившееся не должно быть поводом для взаимной нервотрепки. А посему она полагает: лучше оставить все как есть. А приказа вроде как бы и не было. И, представьте себе, убедила! Правда, Василий Егорович на всякий случай велел ревизорам проверить через некоторое время, ликвидировала ли Галюзова отмеченные недостатки.

Ревизоры проверили и отметили, что, наоборот, к отмеченным недостаткам она прибавила изрядное количество неотмеченных, среди которых создание неучтенных излишков цыплят и присвоение вырученных денег являются не самыми крупными. На сообщении ревизоров Василий Егорович начертал энергичную резолюцию: «Тов. Рошаховскому! Разберитесь и решите!»

Разбирался ли директор треста, трудно сказать. Но решить решил: ничего не решать! И еще около года Надежда Сергеевна лихо разбазаривала цыплят и яйца, проводила различные финансовые махинации, выдавала премии и иные денежные вознаграждения своему мужу, а остатки премиального фонда расточала на банкеты.

Нервничали, волновались и писали жалобы работники ИПС. А вот сама Надежда Сергеевна сохраняла полное спокойствие. Это, говорят, потому, что она по утрам занималась физзарядкой и не ела жирного мяса, в особенности свинины.

...Кстати, о свиньях.

Откармливают их, в частности, в совхозе «Чадыр-Лунгский». Откармливают, в частности, из рук вон плохо. Проведенная в конце 1969 года проверка показала, что совхоз дает свинины значительно меньше, чем запланировано, но зато более дорогую. Между прочим, было указано, что зоотехник М. И. Войтик допускала незаконное списание недостающих поросят, числившихся за ее мужем, заведующим свинофермой.

Грозный приказ заместителя министра сельского хозяйства по этому поводу мог бы кого угодно привести в смятение. Но директор совхоза тов. Алтунин и зоотехник тов. Войтик показали, что нервы у них покрепче, чем у самых почтенных долгожителей Молдавии. Во всяком случае, когда через полтора года провели очередную проверку, то оказалось, что совхоз по-прежнему дает свинины значительно меньше, чем запланировано, но зато более дорогую. И, между прочим, было указано, что зоотехник М. И. Войтик рацион кормления животных не составляла, правильность расходования кормов не контролировала, а показатели среднесуточных привесов беспардонно завышала.

В результате появился еще один приказ, который и директор Алтунин и зоотехник Войтик восприняли так же спокойно, как и предыдущий. А это, вероятно, потому, что товарищи ведут правильный, размеренный образ жизни. Как говорится, не перерабатывают.

...Кстати, о переработках.

Руководителям проектного института «Молдгипрозем» так же, как и всем прочим гражданам, известны указания правительства об ограничении совместительства. И тем не менее здесь с удивительным размахом привлекают для выполнения проектно-изыскательских работ частных лиц, работающих в других организациях, причем без разрешения последних.

Договоры порой заключались с целыми семьями. Так, с семьей Яковлевых заключили четыре договора: с папой, с мамой и двумя сыновьями, из которых один проектант оказался школьником.

Поскольку, отдавая полный рабочий день основной службе, человек не находит второго полного рабочего дня для выполнения в частном порядке проектных и буровых работ, то первые выполнялись недоброкачественно, а вторые попросту приписывались.

Вот за все это республиканский комитет народного контроля объявил директору института Г. Д. Гуцолу выговор и обязал его в месячный срок устранить отмеченные недостатки.

Директор Гуцол проспал ночь после выговора спокойно. И затем весь месяц, в течение которого он должен был устранять отмеченные недостатки, тоже спал спокойно. Но кое-что изменилось. Если до проверки комитетом народного контроля институт привлек двадцать три частных лица, которым было выплачено 23 тысячи рублей, то после проверки товарищ Гуцол привлек уже сто пять человек, которым выплатил 75 тысяч рублей. Между прочим, мне показывали документ, в котором директору института запроектирован строгий выговор.

Но теперь уж и я спокоен. Знаю, что Г. Д. Гуцол и без люминала будет спать крепким, здоровым сном. Не привыкать стать к выговорам.

Руководители, о которых здесь рассказано,— люди, во многом непохожие друг на друга. Объединяет их одно: крепкие нервы. Благодаря этому они с завидным спокойствием и равнодушием относятся к указаниям, замечаниям и строгим взысканиям, воспринимая их как обязательные ходы в некоей условной игре...

Так неужели же нет способов потревожить олимпийцев, заставить их по-настоящему нервничать?

Молдавская ССР.

—Запомните, вот так разделывается туша.

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

ПИСЬМО ПОЗВАЛО В ДОРОГУ

Дорогой Крокодил!

Вот въезжаешь ты во двор, а навстречу тебе гражданин в пижаме.

— Куда прете! — кричит он.— Здесь вам не проезжая часть!

Шофер вылезает из машины, на которой написано «Связь». Пешком следует в дальний угол двора, где краснеет почтовый ящик. Изъяв поздравительную открытку, возвращается обратно. За операцией гордо наблюдает местный житель. Он одержал победу: это по его ходатайству во дворе установили почтовый ящик—в двухстах метрах от другого почтового ящика, что висит на улице. Время же на выемку осталось без изменений.

Вот так за день по дворам и вышагиваешь расстояние, которое хоть и меньше популярного расстояния от Земли до Луны, но все-таки...

Водители Москворецкого узла связи, ударники коммунистического труда БАКУТОВ, КУШТИН, САФОНОВ, ЛУКЬЯНОВ, КУВЫЧЕВ, КАПАНАДЗЕ, ДЕДУСЕНКО.

ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА

Все началось, как и положено: военнослужащий из города Ферганы тов. Свириденко с надеждой обратил свои взоры на Кустанайский педагогический институт, объявивший прием на заочные курсы для всех (без исключения) граждан Кустанайской области. У тов. Свириденко к тому имелись все основания: родители его живут в городе Кустанае.

По этому поводу он сделал запрос на имя ректора, в котором все так и объяснил. Но там, где есть ректор, всегда найдется и методист — человек, охраняющий ректора от нелепых домогательств разных отдельных лиц, жаждущих получить образование.

На узеньких полосках бумаги с безукоризненно отпечатанными словами «Поступайте в вузы по месту жительства» методист методически ставит свою подпись — квалифицированную закорючку.

Именно такой обстоятельный документ был получен нашим военнослужащим спустя два месяца после его запроса в институт: «Тов. Свириденко, поступайте в вуз по месту жительства».

Казалось бы, радоваться должен тов. Свириденко, чьи интересы полностью совпали с интересами методиста. Однако он сначала пришел в легкое замешательство, а сейчас, когда уже заканчивается прием документов на заочное отделение, наверно, и в отчаяние.

Но что можно сказать по поводу гостеприимного товарища из Кустанайского педагогического института, самозабвенно рассылающего приглашения «поступать в вузы по месту жительства» и не дающего поступить в вуз абитуриентам, желающим учиться именно по месту жительства?

Т. ЛОСКУТОВА

А зато — премия...

Начальник гаража Суоярвского автотранспортного предприятия Владимир Степанович Шумилин стопку мимо рта не пронесет. Однажды, хватив лишнего, начал куролесить, оскорбил соседку и, будучи доставлен в милицию, был оштрафован на тридцать рублей.

— А зато,— говорят сочувствующие, — наш начальник гаража отличился в сдаче металлолома, премию получил.

Что было, то было. При транспортировке металлолома в Петрозаводск с площадки «Вторчермета» Шумилин завернул все одиннадцать машин во двор АТП и приказал сбросить примерно по 500 килограммов с каждой автомашины. Через некоторое время сброшенный металлолом таинственно исчез. Куда?

Шумилин смотрит на меня ясными глазами.

— Ну что вы! Среди лома оказались батареи парового отопления. Почти совсем исправные. А мы нуждались в таких батареях. Вот я и велел их взять, а взамен погрузить другой лом. А батареи мы подремонтировали и поставили в диспетчерской.

В моем портфеле лежат два официальных документа, подтверждающих, что батареи парового отопления, поставленные в диспетчерской, привезены не с площадки «Вторчермета», а из Поросозера. А металлолом, сброшенный с машин, был сдан тому же «Вторчермету» в счет выполнения плана АТП.

— А зато,— говорят сочувствующие,— у нашего начальника ясные глаза.

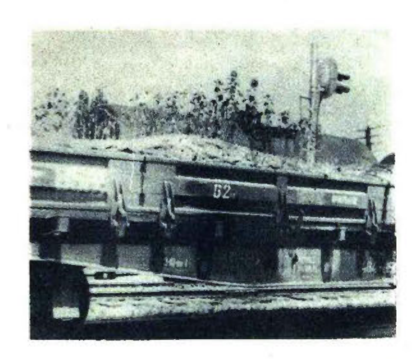
Что верно, то верно. Смотрит на меня Шумилин и глазом не моргнет. Хоть бы чуть-чуть застеснялся!

А. ОМЕЛИН

г. Петрозаводск

Дорогой Крокодил!

Высылаю тебе снимок, взглянув на который работники сельского хозяйства поймут наконец, где лучше выращивать подсолнух.

Прекрасно справились с этой задачей, как видишь, железнодорожники станции Грозный. Вагоны, груженные гравием в марте, уже к началу июля дали отменный урожай подсолнуха.

Непонятно одно: зачем держат платформы на станции в то время, когда их нужно немедленно подавать к маслозаводу?

А. ОВАНЕСОВ

г. Грозный

Шина с печатью

Вот, говорят, какая история приключилась с одним из ответственных работников Волжского шинного завода. Сломался у него вдруг зуб. Да не простой, а металлический. Раковина в нем почему-то оказалась. А тут, надо же так, этому товарищу на активе выступать. А зуб, как назло, самый что ни на есть передний. Всполошился товарищ, побежал к врачам.

— Не можете,—говорит,—срочно зуб вставить? Мне на активе выступать.

— Акт рекламации при вас?

— Чего? — вытаращил глаза товарищ.

— На сломанный зуб, — терпеливо разъясняют врачи,— положен акт рекламации.

— Да вы что!— возмутился товарищ.— Смеетесь? Вы же мне этот зуб вставляли. Вы виноваты, вы и исправляйте!

— Кстати, не забудьте заверить акт печатью и снабдить подписями комиссии. Ваш сломанный зуб мы пошлем на завод-изготовитель и только по получении нового зуба сможем выполнить вашу просьбу. Само собой разумеется, что почтовые расходы на пересылку зуба за ваш счет.

— Бюрократы!— закричал товарищ.— Вот вы кто! Нет у вас чуткости и внимания к людям!

Ну, это, положим, фантастика. Но вот что касается другой, воронежской истории, то она уж точно произошла в действительности.

Воронежской станции «Скорой помощи» потребовались не какие-нибудь дефицитные препараты, а всего-навсего шинные покрышки. Без этих покрышек, как известно, «Скорая помощь» будет совсем не скорой.

Приобрела станция 90 покрышек Волжского шинного завода. Стали ездить. Десять автопокрышек не прошли и 12 тысяч километров, девять еле-еле дотянули до 18, двадцать одна набрала от 18 до 27 тысяч вместо 40 тысяч по норме. То есть явный брак. Написали на завод. Оттуда отвечают:

— Во-первых, еще надо посмотреть, брак это или не брак. А для этого высылайте нам шины назад.

— Все сорок? — ахнули врачи.

— Все сорок.

— За чей счет?

— Разумеется, за ваш.

— Откуда же у нас такие деньги? Мы ведь «Скорая помощь», у нас лишних денег нет.

— Лишних денег ни у кого нет. Да не забудьте к шинам приложить карточки ходимости. А к карточкам — печать. Тогда мы еще посмотрим, удовлетворять ваши претензии или нет.

— Но нам не на чем ездить! Нам людей надо спасать. Мы особая организация.

— Все организации особые

— Но брак-то ваш!

— Мало ли что...

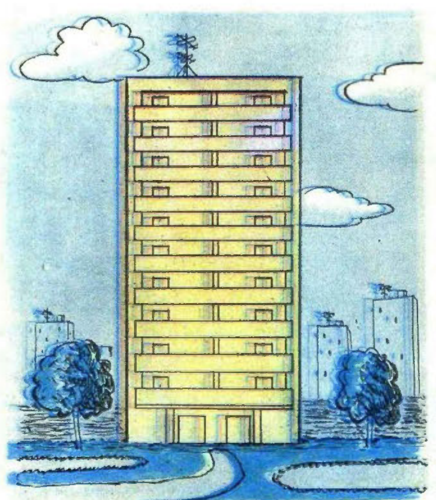
Вот какая случилась история. Очень жаль, что случилась она, а не та, первая.

Е. ПАВЛОВ

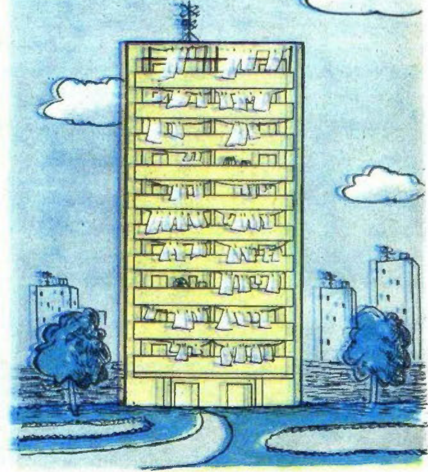
Все ясно!

Купил я, дорогой Крокодил, линейку, обычную, школьную. Попробовал провести с ее помощью прямую линию — не выходит. Так вертел линейку и эдак — только кривые линии получаются. Смотрю на фабричную марку. Хе-хе, вот в чем все дело! Линейка изготовлена на тбилисской фабрике гнутой мебели. Ежели гнутой, откуда же взяться прямым линиям! Не тот профиль у фабрики!

Н. ЯКОВЛЕВ

Корпус перед сдачей

Корпус сдался...

Рисунок Н. ЩЕРБАКОВА

Мое открытие

Есть такая рыба — скумбрия. Оказывается, в ее жилах течет не холодная рыбья кровь, а всамделишный томатный соус. Не буду хвастать, я этого тоже не знал, пока не купил банку консервов «Скумбрия» Азовского рыбокомбината. Открыл банку, а рыбкой в ней и не пахнет. Банка до краев полна одним только соусом. На вкус — чистый томат!

Д. БУЦКИХ

Е. МАТВЕЕВ

«Много шума — из ничего?»

Списано у Шекспира, кроме знаков препинания.

Если затронут ПРИНЦИП...

В принципе факт тянул на заметку. Один из членов общества «Знание» принес в редакцию специальный бланк-рецензию доктора экономических наук Дмитрашко на лекцию Пантелеева, прочитанную в Ленинградском районном отделении общества «Знание».

Посетитель утверждал, что написанное на бланке — липа. На бланке были графы, в которых указывались место выступления (НИИ), состав аудитории (инженерно-технические работники), количество слушателей, дата... Ну и дальше — краткое содержание лекции с выводами о ее качестве.

Конечно, сначала следовало проверить, читана эта лекция на самом деле или нет.

— Только это? — спросил меня ответственный секретарь Ленинградского районного отделения общества «Знание» Северин.— И все? И больше ничего о нас в том письме не говорилось?

— В каком письме? — не понял я.

— Ну, которое — в редакцию...

— Никакого письма мы не получали.

— Ну, тогда вы напрасно беспокоитесь,— уверил меня секретарь.— За год у нас произошел только один случай, когда была оформлена лекция, которой не было. Однажды один лектор приехал на одну стройку. А там имелся мастер. Вот мастер и говорит: «Вы чуть-чуть подождите, а я пока народ соберу». Посидел лектор, подождал — устал. Погулять пошел. Заглянул в какую-то избушку, а там сидит тот самый мастер и говорит: «Ах, какое несчастье! Весь народ, как на грех, разбежался! Но вы не сомневайтесь, я в вашей путевочке любое количество слушателей проставлю!»

— О чем лекция-то была? — спросил я.

— Да это в принципе не имеет значения. Тем более, что ее все-таки не было, и очень давно это было. Но это случилось только раз... А сейчас мы, значит, с вами посмотрим, где тут у нас зарегистрирована интересующая вас почему-то лекция товарища Пантелеева. Это у нас раз-два, как говорится...

Посмотрели. Поискали. И раз. И два. И три. И почему-то не нашли, как говорится.

Пришлось секретарю звонить на кафедру политэкономии заочного института советской торговли, где Пантелеев работает консультантом, а Дмитрашко этой кафедрой заведует.

Да, Дмитрашко помнил, как он присутствовал на лекции Пантелеева, но только не помнил где.

Я в их разговор не вмешивался: не люблю я телефонных разговоров. Решил назавтра сам съездить в институт торговли.

Зашел наутро в редакцию, а там только что отшумели профессора Дмитрашко и Пантелеев, даже эхо еще догукивало в коридоре.

А причина, оказывается, крылась во мне, который якобы связан кровными узами с каким-то беспринципным доцентом, копающим известную яму институту советской торговли. И, конечно же, все это крайне несовместимо с принципами советской журналистики.

Я посидел, понедоумевал, повспоминал. Нет, даже с принципиальными доцентами не бывал я в родстве... Опять собрался ехать в институт и не смог — телефонный звонок, и у аппарата профессор Дмитрашко с вопросом: что за кляузное письмо лежит у нас в редакции и кто да кто его подписал?

— Могу сказать немного,— малообещающе сказал я.— Никто не подписал, и письма нету. А есть ваша рецензия...

Профессор внимательно выслушал, а потом выразил решительное сожаление по поводу того, что сегодня никак не может меня принять ввиду срочного выезда на совещание в министерство. А вот завтра можно.

Можно так можно. Я согласился. А через час — звонок из общества «Знание», и у телефона член методического совета Качанов с тем же вопросом насчет кляуз.

— А то вот у меня сидит профессор Дмитрашко и волнуется,— пояснил он.

Я опять рассказал о рецензии.

— Ну, так это не по нашей линии! — обрадовался Качанов.— Это по линии Всероссийского общества, а мы — Всесоюзное!

Тогда не осталось в стороне и Всероссийское. Через часок позвонила старший методист Каримова. По тому же поводу. Тогда я и ей объяснил что к чему. Потом спросил:

— А товарищ Дмитрашко случайно не у вас?

— У нас,— говорит Каримова.

— Сидит и волнуется?

— Сидит,— говорит Каримова.— Передать ему трубочку?

— Не надо,— сказал я.— Мы уже на сегодня свое отразговаривали.

На следующий день завкафедрой встретил меня в своем кабинете чисто по-дружески. Удалил секретаршу, улыбнулся и сказал:

— Извините! Теперь мы знаем, что вы действительно не их родственник.

— Извините! — уточнил я.— Не чей я родственник?

— Ни Москвина, ни Дубовицкой, ни Тяпкина, ни Одинцова, ни Паромова... В общем, ни одного из предполагаемых авторов письма, которых вы вчера называли.

— Вот тебе и раз! — удивился я.— Просто я уточнял состав членов методического совета общества «Знание». Хотел вообще ознакомиться с порядком чтения лекций, оформлением рецензий на них...

— Дались вам эти лекции! — пожал плечами завкафедрой.

— Далось вам это письмо! — пожал плечами и я.

— А как же! — сказал завкафедрой.— Только так. Мы в этих делах — тертые калачи, нас на мякине не проведешь. Недавно только нашим институтом очень подробно райком интересовался да и прокуратура тоже. Так что есть еще желающие погреть на этом руки. Взять хотя бы доцента Тяпкина...

В это время в кабинет вошел профессор Пантелеев и пришел на помощь профессору Дмитрашко.

— Он! Он! Он! — поддержал он. — Тяпкин! Он на мое место метит и вообще принципиально ошибается в некоторых теоретических высказываниях!..

И тут оба профессора завысказывались дуэтом. О разном. О разных. О науке. О научных работниках. О некоторых — тепло. Говорили, говорили, кончили.

— А как же все-таки насчет нашей с вами лекции? — напомнил я, не показывая пока самой рецензии.

— У нас на кафедре она и читалась,— сказал профессор Дмитрашко.— И неоднократно. Я, например, как сейчас помню, несколько раз на ней присутствовал.

— Неоднократно,— подтвердил профессор Пантелеев.— Я и текст имею.

Однако поискали в журнале регистрации прочитанных лекций и ничего не нашли.

— А может, вы ее для аспирантов читали? — колебнулся Дмитрашко.

— Для аспирантов,— подтвердил Пантелеев.— Наверное.

Пошли в аспирантуру, но и там ни слуху ни духу об этой лекции.

— А на курсах? — посердител Дмитрашко.

— На курсах повышения квалификации,— подтвердил Пантелеев.— Там. Это не тут. Это совсем в другом месте. Я вам, если хотите, и справку привезу.

Ну, и пожалуйста. Уехал я дожидаться справки.

И пошли звонки в редакцию. И пошли посетители. Сплошь ученые. С именем. С фамилией. Со степенями и званиями. С принципами и без. Со сведениями друг о друге, из которых выяснилось, что есть у нас еще ученые, которые в своих работах высасывают мысли из собственного пальца, а некоторые даже из чужого. Что есть такие научные багажи, которые не по плечу их обладателям. Не потому, что багаж велик, а потому, что обладатели привыкли к носильщикам, помогающим шагать вверх по ступенькам степеней и званий. («Напишите, пожалуйста, страничку о моей диссертационной работе по предисловию и плану, поскольку всю диссертацию Вы прочитать не можете из-за недостатка времени. При оглашении этого отзыва на заседании кафедры или в любом другом месте я крепко выскажусь о Вас как об ученом и человеке... При первой же возможности я сделаю то же самое в печати».)

Колесо этой истории раскручивалось все шибче. Я уж и тормозить его пытался, да все никак — в одиночку ж действую!

Позвонил доцент Тяпкин.

— А у меня брошюру не приняли в печать,— попечалился он.— Говорят, будто я написал вам какое-то кляузное письмо.

Ну как я мог утешить доцента, если никто не верил, что никакого письма редакция не получала?

К этому времени и насчет лекции кое-что прояснилось. Профессор Пантелеев все-таки читал ее и все-таки на курсах повышения квалификации. И еще оказалось: рецензию на эту лекцию он сам же и написал. Положительную и с выводом: «Безусловно, надо и дальше использовать лектора в лекционной работе в обществе «Знание».

С тем я и поехал снова в институт торговли. Положил бланк с рецензией перед профессором Дмитрашко и показал на графы, где было сказано о слушателях: НИИ, ИТР...

— НИИ?..— озадачился профессор, отодвигая от себя бланк.— Нет, такого не помню. Да эти данные и не моей рукой написаны. Это не я писал. Вот на курсах повышения квалификации я эту лекцию хорошо помню. Присутствовал на ней, но, когда писал рецензию, просто случайно не стал заполнять все графы, потому что это не имеет принципиального значения. Главное, что лектор может читать лекции в обществе «Знание»,— и все. Так что эти графы не я заполнял.

— Как и все остальные,— вздохнул я.

— Не понимаю,— не понял профессор.

Я опять пододвинул ему текст рецензии. Рецензент поизучал его. Подумал.

— Ах, понимаю! — понял профессор.— Вы хотите сказать, что я не сам писал рецензию? Да, действительно. У меня тогда устали глаза, и я продиктовал ее. Но это же непринципиально. И вообще, почему вас все это так интересует?

— «Знание» — сила,— сказал я.

— А! Ну, так вот и мы теперь тоже кое-что знаем. Клеветническое письмо к вам в редакцию доцент Тяпкин написал. Он сам сознался. Доценту Бренчуковой он сознался, та рассказала нашему парторгу Вялкину. А тот — мне...

А с этими словами — звонок Вялкина профессору Дмитрашко. По делу. Поговорили они, а потом я взял трубку и воспользовался случаем. Спросил парторга о «письме» Тяпкина.

— Да, Тяпкин признался,— признался Вялкин.— Он рассказал доценту Бренчуковой, та — профессору Дмитрашко, а тот — мне...

— Это он на всякий случай боится,— смутился за парторга профессор Дмитрашко.— Вообще-то Бренчукова нам обоим вместе сказала. Но она тоже чего-то боится, так что вы ее лучше и не спрашивайте.

— И не буду,— пообещал я.

— А я, как ни говорите, все-таки недопустимо мягкий человек,— посочувствовал себе Дмитрашко.— Этот Тяпкин куда только не подсовывал свою докторскую диссертацию! Несколько лет он ее возил по институтам. Наконец, в Тбилисском университете взяли, и он попросил меня поддержать его. И что вы думаете — я поехал. Поддержал его на защите, хотя отзывы о работе были прямо-таки сугубо отрицательные. И вот он защитился большинством в один голос, это был мой голос, и обо мне же потом — нате, письмо. Но ничего, аттестационная комиссия его еще не обсуждала, так что не все потеряно. Мы этого дела так не оставим. Из принципа не оставим!

— Да здравствуют принципы! — согласился я.

И мне стало немного жаль Тяпкина, который письма все-таки не писал.

г. Москва

Рисунок А. КРЫЛОВА

РАСКОПАЛИ

ВЫШЕ КАЧЕСТВО

«КЛУБ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ»

Члены этого клуба, носящего многозначительное название «Вавилон», время от времени столпотворяются на заседаниях, чтобы обсудить свои увлечения. А увлечения у них несколько странные.

Одним, например, доставляет большое удовольствие стоять в очередях; они готовы пристроиться к любой очереди, только это была бы очередь, ибо, как утверждают члены клуба, «очереди закаляют людей, развивают характер, укрепляют мышцы ног, учат сохранять равновесие...».

Другие активисты клуба избрали своим хобби нравоучительные беседы с милиционерами о том, как они, милиционеры, должны вести себя в общественных местах. Третьи коротают время в кафе «Об ьятия», славословя друг друга...

Вы спросите, где находится этот удивительный илуб? Разумеется, его на самом деле не существует, он избран местом действия героев одного из рассказов новой книжки литовского писателя Антанаса Пакальниса «Клуб интеллигентов». Автор в гротесковой форме высмеивает демагогов, бездельников, нарушителей правопорядка, а также некоторые недостатки в нашем быту.

Надо думать, что читателям понравятся не только этот рассказ, но и многие другие новеллы сборника, вышедшего в Вильнюсе и заботливо переведенного на русский язык Сергеем Васильевым.

КОРОЛЬ ЖЕСТЯНЩИКОВ И ДРУГИЕ

Восемнадцать лет прошло с тех пор, как журнал «Новый мир» напечатал рассказы Гавриила Троепольского, которые потом вошли в сборники «Записки агронома» и «У Крутого яра», а мы познакомились с Прохором семнадцатым, королем жестянщиков, делягой и демагогом, Никишкой Болтушком, Игнатом с балалайкой, прицепщиком Терентием Петровичем. Разные это люди, и разное к ним отношение автора. Здесь сатира незаметно переходит в мягкий юмор, юмор — в усмешку, дружеское подтрунивание. А там, где автор говорит о людях с красивой душой или о русской природе, речь его становится задушевной, лиричной...

Восемнадцать лет — не малый испытательный срок для любой книги. Рассказы Троепольского выдержали испытание временем. Читатели помнят и любят их. Потому что сделаны они талантливо, нх герои — живые люди.

Недавно Центрально-Черноземное книжное издательство переиздало рассказы Троепольского под названием «Прохор XVII и другие». Доброе дело сделало издательство. Пусть будет больше книг о Прохорах семнадцатых и меньше самих Прохоров!

«ОЙ, ПИД ВИШНЕЮ...»

Эта песня едва лн не самая популярная у певучих украинских девчат. А вишню можно увидеть почти у каждой украинской хаты. Как, скажем, березу в России или кипарис в Абхазии...

Поэтому не удивительно, что группа молодых украинских сатириков и юмористов однажды собралась под густой вишней во дворе издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь» и решила издать коллективный сборник своих лучших произведений. Юморески понравились работникам издательства, и вот мы видим вышедшую в свет книжку в обложке вишневого цвета, которая так и называется — «Ой, пид вишнею...».

Конечно, трудно перечислить всех авторов сборника, и все же хочется это сделать: наверное, они так же симпатичны, как и их рассказы. Это В. Бакланов, Л. Верник, М. Гладкий, П. Головко, М. Дахно, П. Добрянский, М. Камлицкий, Е. Колодийчук, В. Костюк, М. Кучер, В. Лендел, В. Мельник, С. Мельничук, Ю. Пархоменко, В. Плахотников, Б. Полищук, Л. Серебряков, В. Стрекаль и В. Трипачук.

Я В КУРСЕ...

Душевно люблю я соседа Мамеда,
Но редко, признаться, я вижу соседа.
Недавно в трамвае встречаю его:
— Ты что не заходишь, Мамед, отчего?

Хоть раз заглянул бы с супругой своею,
Спросил бы, здоров ли я или болею,
Узнал бы, что нового слышно у нас.
Зайди, дорогой, ну хотя бы на час...

Ответил Мамед, не скрывая смущенья:
— Спасибо, сосед, за твое приглашенье,
Но ты, извини меня, просто чудак —
Ведь все о тебе мне известно и так.

Я слышу твой голос с зари до заката,
Я в курсе, откуда пришел и когда ты,
Я знаю, за что ты ругаешь детей —
Родным стал твой голос в квартире моей.

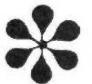
Когда ты могуче храпишь за стеною,
Тебе до утра мы внимаем с женою,
Когда ты хвораешь и ждешь докторов,
Шепчу я с надеждой: «Мамед, будь здоров!»

Все делим с тобою мы без исключенья,
Твои огорченья — мои огорченья,
Твоя радиола — как будто моя,
Да жаль, не могу ее выключить я.

Едва уезжаешь ты в отпуск с семьею,
Мне кажется, я отдыхаю с тобою.
Едва возвратишься ты снова домой,
Мне кажется, отпуск закончился мой.

Для звуков преградою стены не служат —
Выходит, и ты меня знаешь не хуже.
Так стоит ли в гости ходить? Ерунда!
Ведь мы же в гостях друг у друга всегда!

Перевел с азербайджанского
Мих. РАСКАТОВ

Татьяна ШАБАШОВА

КОГДА МЕДИЦИНА ВСЕСИЛЬНА

Давно прошло время, когда понятие «разбойник с большой дороги» ассоциировалось у американцев с кожаной курткой, надвинутой на глаза шляпой и двумя кольтами, уставленными в пупок жертве. В наши дни эти слова чаще всего напоминают американцам милых, улыбающихся людей в накрахмаленных врачебных халатах. Вот история, поведанная не столь давно английской газетой «Санди таймс».

Некто Реджинальд Форрестер, солидный английский служащий, прибыл в сентябре прошлого года в Соединенные Штаты со своей супругой, уповая соединить приятное (отпуск) с полезным (кое-какие дела).

В один из вечеров, когда мистер Форрестер был с женой у друга в Нью-Йорке, он вдруг закашлялся и упал на пол.

Вызвали такси и быстро доставили заболевшего в больницу. К счастью, она находилась совсем рядом, через два дома, и носила обнадеживающее название «Больница святого Винсента».

Увы, через шестнадцать дней мистер Форрестер окончил свое земное странствие.

В ту прискорбную роковую ночь, когда миссис Форрестер доставила своего мужа в больницу, сестра милосердия пригласила ее в комнату регистрации больных. Здесь на оторопевшую миссис Форрестер вылили ушат вопросов. «Кто? Что? Где? Сколько? Какова профессия мужа? Кем работает она? Зарплата мужа? Зарплата ее? Есть ли дополнительные источники доходов?» — вспоминает миссис Форрестер.

Отвечала она торопливо, сбивчиво, сказав регистраторше, что считает этот допрос неуместным, в то время когда за стеной умирает ее муж.

«Но тут,— говорит Форрестер,— я начала понимать, что от моих ответов о доходах нашей семьи зависит, примут моего мужа в больницу или нет!» Доходы — вот что было решающим.

Слышавший весь этот разговор приятель ее мужа решительно вошел в комнату, стал умолять, чтобы его другу скорей оказали необходимую помощь, и заявил, что гарантирует уплату всех больничных расходов.

Вопросы немедленно прекратились. Больной был передан в руки врачей.

Будем справедливы и скажем, что, по словам миссис Форрестер, которая разбирается в медицине, ее супруг все последующие 16 дней получал безупречное лечение. Тем не менее, не приходя в сознание, он умер.

В туманной британской столице, куда вернулась осиротевшая женщина, ее вместо телеграммы с соболезнованием уже ждал «полный и окончательный» счет на сумму 4 068 фунтов стерлингов.

Пока бедная вдова ломала руки, думая о фантастичности этой суммы, из Нью-Йорка пришел еще один счет, на этот раз «исправленный и дополненный», теперь уже на сумму в 4 797 фунтов стерлингов!

Миссис Форрестер решила не платить. Ее отказ, как она заявила корреспондентам, был протестом против возмутительного ночного допроса, который ей учинили, прежде чем взять мужа в больницу, и против той системы, когда убитого горем человека буквально грабят средь бела дня. В доказательство она предъявила счет. Вот как он выглядел:

16 дней в палате на 3 человека .	807	фунтов стерлингов
Лаборатория	1 466	»
Рентген	230	»
Аптека	733	»
Кровь	131	»
Операционная и палата для выздоравливающих	40	»
Электрокардиограмма	160	»
Ингаляция (кислород и т. д.) . .	383	»
Сердечно-легочная терапия . .	830	»
Хирургические процедуры . . .	17	»
Итого:	4 797	фунтов стерлингов

Стоит ли после такого счета бояться разбойников с большой дороги?

— Господин адмирал, курс 6-го флота пришлось скорректировать!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

В. ЖУРАВСКИЙ

ОСТОРОЖНО — ШТРАУС!

Рыбаки, промышлявшие в территориальных водах Атлантики одноименную селедку, выловили бутылку из-под рейнского. Она не успела еще покрыться седым налетом соли и обрасти ракушками. Но от нее веяло тайной. Сквозь темное стекло угадывались листы бумаги, испещренные готической вязью... Необычный улов рыбаки поспешили переправить в редакцию. Рукопись — трагическая, как позывные «SOS»,— принадлежала перу крупного западногерманского психиатра.

* * *

15.IX.70. Ни с того ни с сего с газетных полос раздается истошный вопль: «Караул, спасайте отечество!» Что это? Демонстрация патриотизма? Маловероятно, ибо отечеству никакая опасность не грозит. Значит, налицо галлюцинации, мания преследования.

20.XII.70. Вопли учащаются и приобретают душераздирающие ноты... Задался целью выяснить, из чьих уст они извергаются...

21.XII.70. Личность установлена. Без помощи детектива. По тем же газетам. Личность эта сильная. Или, как у нас, немцев, принято говорить,— перзёнлихкайт! Во избежание неприятностей не стану запечатлевать на бумаге ее настоящего имени. Обозначу, ну хотя бы... Игреком.

1.II.71. Наблюдаю. Все больше захожу в тупик. По всем признакам, Игрек нуждается в моей помощи. Завожу на него историю болезни. Пока заочную.

5.III.71. Нет, я не ошибся. У него явные симптомы навязчивой идеи. Причем глобального характера. Идеи об иностранном заговоре против Федеративной Республики Германии. Все государства и народы — от Лихтенштейна до граждан Огненной Земли, утверждает мой заочный пациент, вынашивают коварные планы — загубить фатерланд. Внешний враг, считает он, проник внутрь страны щупальцами «пятой колонны». Эти щупальца — интеллигенция и литераторы. Они обвиняют Германию в том, что якобы ею были развязаны первая и вторая мировые войны. «Молоть такой вздор, возводить на хаймат такую напраслину, распространять подобную ложь и клевету способны разве выродки нации,—возбужденно доказывает Игрек.— Наша историческая невиновность — абсолютная истина, не требующая доказательства. Такова логика суждений воспаленного мозга моего пациента. Типичный случай одержимости, требующий срочной госпитализации больного...

Впрочем, я, кажется, рискую головой. Судить, где у шовинистов и суперпатриотов пролегает демаркационная линия между разумом и безумием,— опаснейшая штука.

19.III.71. У Игрека полное отсутствие самокритического анализа, прямо-таки атрофия!.. Вчера вечером мне случайно довелось присутствовать на публичном диспуте, в котором принимали участие представители разных поколений, клубов, союзов, обществ, а также партий. Я был очевидцем, как Игрек, растолкав оппонентов, захватил председательское кресло. Брякнув в медный колоколец, он восстановил тишину и громоподобно проорал в микрофон (цитирую): «Для меня превыше всего интересы немецкой нации, и я требую безусловного послушания!» Скромный мюнхенский студент, примостившийся в последнем ряду галерки, спросил: «Как это понимать?» Игрек молниеносно парировал: «А у вас есть вообще-то аттестат зрелости, сопляк?!» Последующим выступающим Игрек забивал рот следующими фразами-кляпами: «Вы организованная банда политических проходимцев», «Молчать, дебоширы, сбесившиеся с жиру!» и т. д.

В полночь к месту диспута подъехала с включенной сиреной машина «Скорой помощи». Из нее вышли, неся смирительную рубаху, два верзилы-санитара. Я облегченно вздохнул: мой заочный пациент станет очным. Но санитары поднялись на галерку и натянули смирительную рубаху на того студента, который спросил: «Как это понимать?» Правильно замечено: любопытство до добра не доводит.

8.IV.71. У этого Игрека хватит психозов, неврозов и комплексов и на Икса и на Зета! Особенно четко прослеживается ядерный невроз. «Договор о нераспространении ядерного оружия,— заявляет больной,— есть грубый диктат космических масштабов». Болезненно усугублен комплекс границ 1937 года, а также психоз жизненного пространства... Тьфу, черт попутал! «Жизненное пространство» с языка сорвалось. Мой незабвенный университетский профессор психиатрии назвал в 1938 году лозунг «жизненного пространства» бредом. За это ему язык заодно с головой отхватили... Помимо выше отмеченных психических недугов, больной, то есть Игрек, страдает манией «котла» (или же «окружения»). Опасно гипертрофирована у него мания преследовать политически инакомыслящих. В порядке «профилактики» он предписывает таковым эмиграцию. «Кто живет у нас, тот не должен чернить собственную страну,— пригрозил Игрек своим критикам на последнем диспуте.— Кому здесь не нравится, тот может убираться из Германии вон!» А на предвыборном собрании пошел дальше и так охарактеризовал всяческую оппозицию: «Эти личности ведут себя, как звери, и к ним не применимы законы, предназначенные для людей!» А со зверем как?.. Или в клетку, или — ату его! — и дуплетом! Весь разговор, вся тут дискуссия!

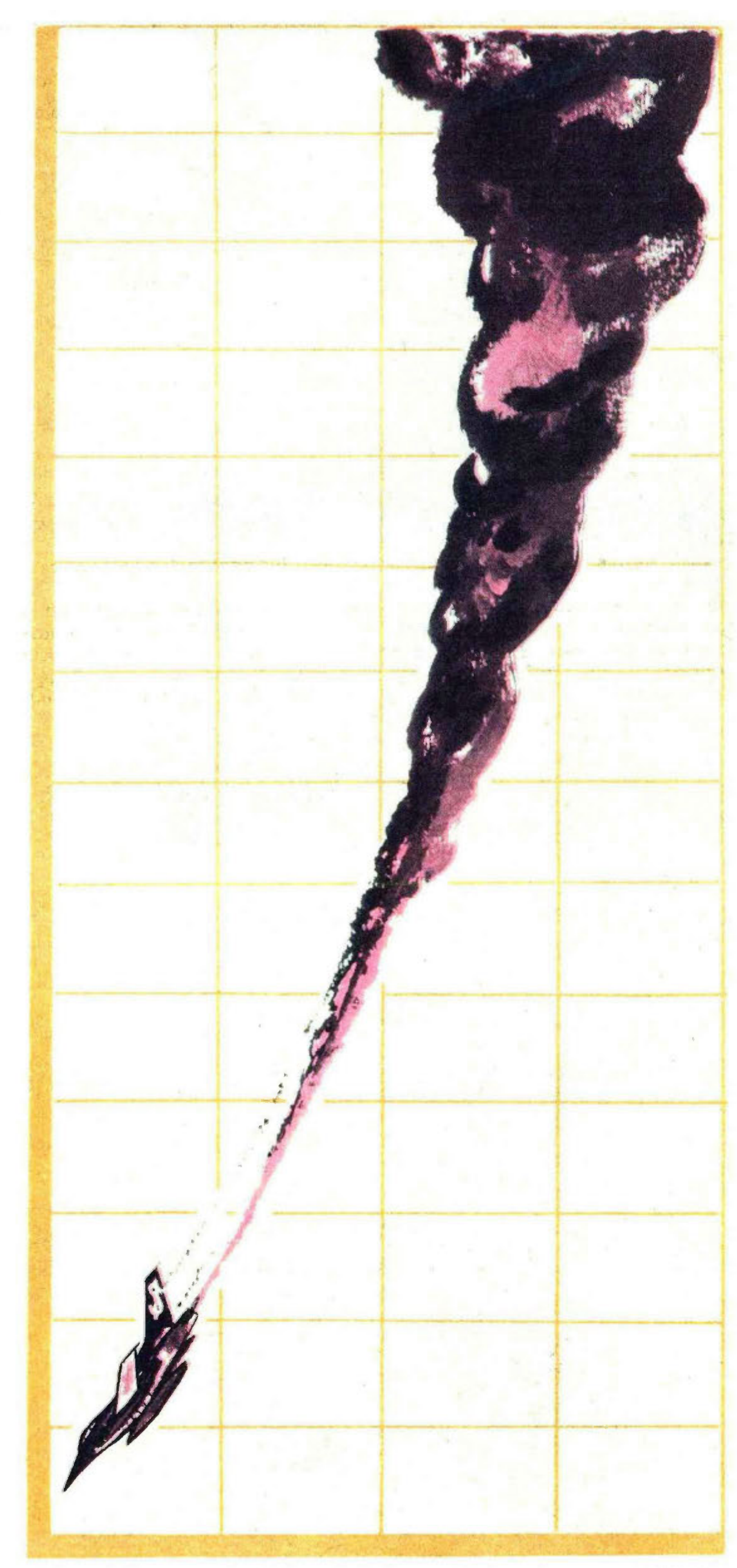
11.V.71. За мной следят.

15.V.71. А может быть, не он, а я с ума сошел?

17.V.71. Два верзилы-санитара, неся смирительную рубаху, вышли из машины, остановившейся у нашего дома... Стучат в мою дверь. Караул, спасайте! Поздно! Погибаю! Но наука превыше всего! Чтобы спасти для психиатров эту историю болезни, прячу ее в бутылку и швыряю через окно в быстротекущие воды Рейна. Плыви, мой драгоценный сосуд!

* * *

Высказывания Игрека показались мне слишком знакомыми, где-то слышанными или читанными. Ну, конечно же!.. Ими пестрят западногерманские издания. Все они приведены рейнским психиатром точно, с научной добросовестностью, и принадлежат председателю ХСС Францу-Йозефу Штраусу.

Кривая роста прибылей военных авиакомпаний США.

Рисунок Г. ИОРША

Мих. ВЛАДИМОВ

Мистер Д.

Под сенью статуи Свободы
Живет на свете мистер Д.
В его владеньях —
земли, воды,
Заводы, банки и т. д.

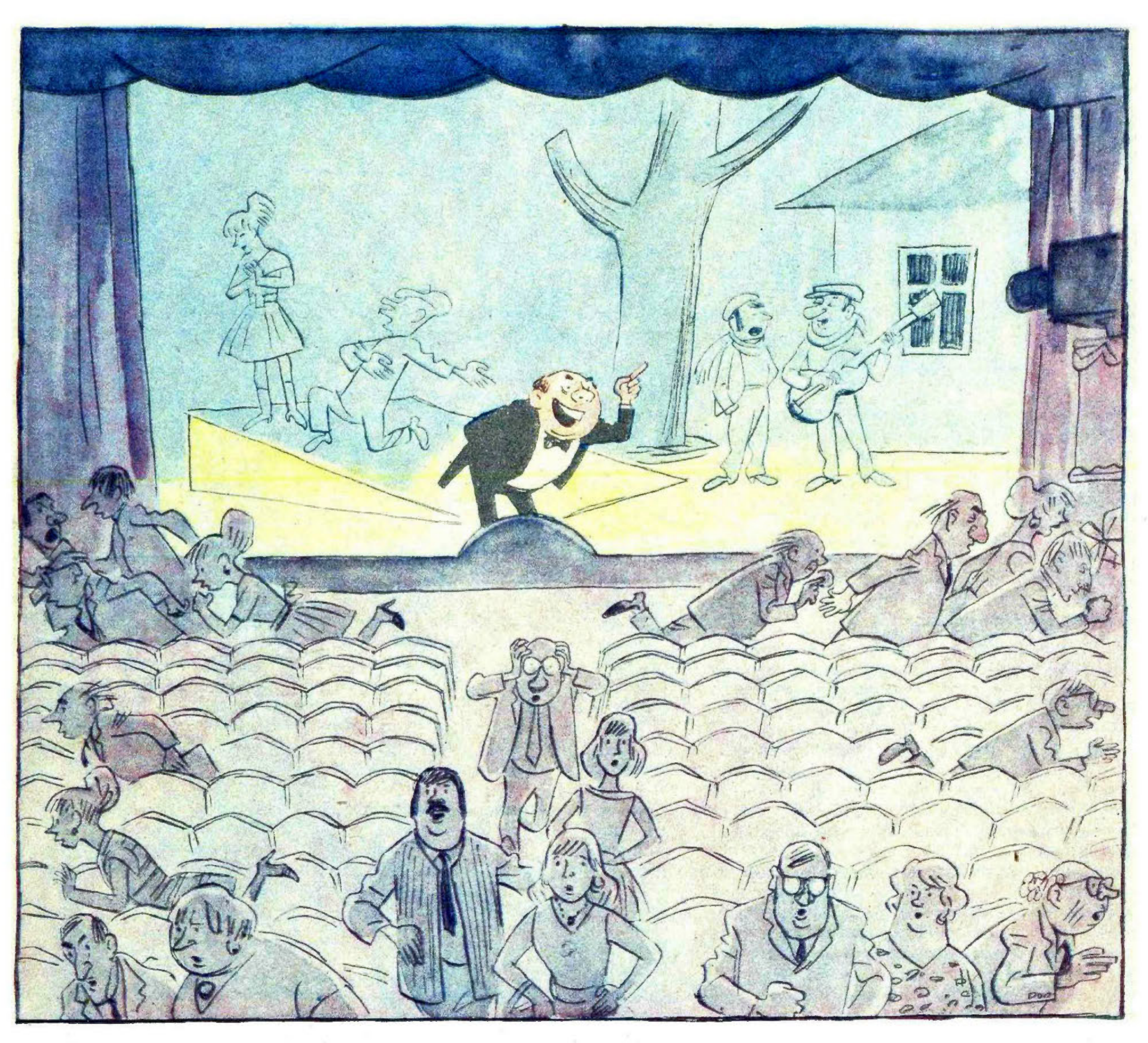
Под флагом
звездно-полосатым
Спокойно мистер не сидит:
Через муссоны и пассаты
Земные шири бороздит.

Замешан Д. почти что
в каждой
Правительственной чехарде:
Ложь применяет
и шантаж он,
Интриги, подкуп и т. д.

Он поощряет реваншистов
И нечисть всякую со «дна».
Ему доход приносит чистый
Любая грязная война!

А оплошает мистер где-то,
Чтоб защитить его в беде,
Из Штатов спешно
шлют ракеты,
Авианосцы и т. д.

Интриговать не буду долго:
Кто, он, чем знатен и т. д.
Не кто иной, как
мистер Доллар,
Тот пресловутый мистер Д.

— Зря разбегаетесь! Наш спектакль все равно транслируется по радио и телевидению.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Олег РИСС

Штрихи из уличной суеты

ОСЕЧКА

Водитель троллейбуса уверенным голосом объявлял через микрофон:

— Следующая остановка — проспект Чернышевского, Николая Гавриловича.

— Следующая остановка — улица Пестеля. Павла Ивановича.

— Следующая остановка — улица Некрасова. Николая Алексеевича.

Пассажирам нравилось. Они одобрительно улыбались.

— Следующая остановка — улица Жуковского.

И все... Репродуктор виновато умолк.

— Образования не хватило! — разочарованно протянул толстый пассажир. — Эх ты, недоучка!

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Дружинники выводили из автобуса изрядно выпившего гражданина. Пьяный не упирался, но сыпал какими-то забористыми словами.

— Гражданин, прошу не выражаться, — строго заметил один из дружинников.

Пьяный не унимался:

— Ах ты, хвощ камышовый, чума болотная, пухонос дернистый, сусак зонтичный, стенус ржавый, трищетинник сибирский, полынь горькая, ятрышник шлемоносый, прострел весенний... И т. д. и т. п.

— Ох, и дадут ему за сквернословие! — мечтательно пролепетала дамочка с кокетливыми завихрениями на голове.

— Ничего не дадут, — отозвался солидный пассажир с портфелем и бородкой. — Ботаника повели. Из нашего института.

ДЕВОЧКИ У КИОСКА

К газетному киоску подошли две маленькие девочки.

— Дайте нам, пожалуйста, старых газет на двадцать копеек, — нерешительно попросила одна из них, протягивая монету.

— Нет у меня старых газет, — сердито ответила женщина в киоске.

Мне стало жаль девочек. Я привел их к себе и дал им старых газет на рубль. Вот ведь как просто быть добрым!

г. Ленинград

Анатолий ЖИТНИЦКИЙ

НУ И НАРИФМУЮСЬ!

Намотаюсь я, накручинюсь
в пароходах и поездах,
напечалуюсь, наморщинюсь
в замечательных городах...

Ф. ЧУЕВ

Напечатаюсь, накрасуюсь,
налетаюсь и насижусь,
напозируюсь, нарисуюсь,
напридумаюсь, напишусь...

Накарабкаюсь, напарнашусь,
сам собою не надышусь,
наморщинюсь и напегашусь,
на себя я не нагляжусь.

Накручинюсь я, намотаюсь
и начуюсь, себя любя...
Сам с собою набрудершаюсь,
навлюблюсь в самого себя.

Игорь МАРТЬЯНОВ

С СЕРДЦЕМ ЗА ПЛЕЧАМИ

Только сердце в тебе, как мина,
Часовым механизмом стучит.

...К вам сердце несу,
Как мешок за плечами.

Сердца с моей койкой рядом
Насыпьте горячим ворохом.

...Трепещущий увидишь
профиль сердца.

В груди оживают стихи
И рвутся на свет из-под сердца...
и т. д. и т. п.

Игорь ГРУДЕВ

Мирно пахнут кусты жасмина,
Рядом мирно ручей журчит.—
Только сердце во мне, как мина,
Часовым механизмом стучит.

Я не знаю, куда мне деться,
Чтоб не слышать тот страшный стук.
Сей трепещущий профиль сердца
Столько мне доставляет мук!

Доведет он меня до морга...
Впрочем, выход есть впереди:
Этот взрывоопасный орган
Вырву запросто из груди.

Ловко вскину его за плечи,
Понесу его, как мешок,
И начну (для богатства речи!)
В каждый новый совать стишок.

Михаил ГЛАЗКОВ

ЖМУРКИ В ТУМАНЕ

Я скоро. Но покуда нет меня.
Я где-то там, в преддверии природы...
Рожусь ли? Все игра орла и решки...
Читатель милый, поиграй со мной.

Белла АХМАДУЛИНА

Не мой удел земная маета,
О том бренчу на однострунной лире.
Ты тут уже, читатель,
а я там —
В потустороннем, эфемерном мире.

Тебе глаза я завяжу платком
И затаюсь.
А ты ищи, не мешкай.
Я где-то между решкой и орлом,
А может быть, между орлом и решкой.

Хочу бежать, но все по швам трещит,
Хоть нет меня — от страха замираю.
Ау, читатель! Что же ты? Ищи!
Не то сама себя я потеряю.

Л. ЕФИМОВ

Море по колено

Итак, гр-н Имярек был зачислен в водолазный отряд.

Коллеги из подводного клуба «Океания» при Академии наук УССР принесли ему свои поздравления.

Заполнив соответствующую графу водолазного журнала, Имярек протопал прямо в кассу.

— Но позвольте! — удивится читатель.— На каком основании он требовал гонорар за обследование тихоокеанского дна, если все время безвылазно отсиживался в Киеве?

— Ну и что же? — ответим мы.— Вот Яшин, Клочков, Денисюк и другие тоже отсиживались в Киеве, но монета им шла, как за покорение океанского дна.

В общем, пора свистать всех наверх и разобраться. Потому что водолазный журнал оказался сплошной липой. Не было кораллового безмолвия и живой рыбы в большом ассортименте. Был грохот цивилизации и свежемороженый хек из магазина «Нептун» на Крещатике.

Итак, скафандры «Океании» под общим руководством ее председателя Бакрова В. В. остались неподмоченными. Что для репутации водолазов совершенно недопустимо. И пузыри они пускают только сейчас, когда стали всплывать разные подробности.

Сухопутные водолазы опирались на законы преломления света. Если под водой, рассуждали они, не видно того, что сделал водолаз, то и того, что он не сделал, тоже не будет видно.

Все остальное было делом техники. С помощью шариковых ручек творилось погружение на глубину и редактировались самолетные билеты. Что же касается «ФИО» водолазов, то с этим было еще проще. В качестве подставного лица мог быть поименован любой гражданин Имярек. Даже Гай Плиний Старший или Дюма-отец.

Возьмем В. Я. Ковалева. Он сугубо партикулярное лицо. Бухгалтер на пенсии. Но был проведен приказом как водолаз и фигурировал в платежной ведомости. Кроме него, на водолазное довольствие были зачислены домохозяйка М. П. Василенко и многие другие подобные ей граждане.

Между прочим, начальником планово-производственного отдела Академии наук УССР работает Г. И. Калугин. И водолазы, сидевшие на хозрасчете, были подчинены ему в экономическом отношении. Нет, мы вовсе не настаиваем, что Калугин должен лично погружаться в Тихий океан. У него и на суше дел по горло.

Крокодил помог

«ОХОТА В НЕОХОТУ»

Перед жителями города Кропоткина, владельцами малолитражных газовых баллонов, стоит неразрешимая проблема. Где перезарядить баллон, если в единственном обменном пункте вывешено объявление: «Меняем баллоны только охотникам, рыболовам и туристам» (заметка «Охота в неохоту», «Крокодил» № 16).

Председатель Кропоткинского горисполкома тов. В. Кононенко сообщает редакции, что теперь перезарядка и обмен баллонов производятся беспрепятственно.

За нарушение порядка обмена баллонов заведующий торготделом тов. В. Азовсков и начальник треста «Кропоткингоргаз» тов. Л. Гриценко получили по выговору, а зам. директора кропоткинского торга тов. В. Павлов строго предупрежден.

«МАТРАС... ПОДРОС»

Житель города Саранска П. Крахмальников купил в московском «Детском мире» кроватку для своей дочки и отправил ее через Мострансагентство. Багаж прибыл в Саранск только через два с лишним месяца. Кровать имела весьма непрезентабельный вид: рама проржавела, сетка погнута, а матрас был так велик, что совсем не умещался на кроватке. Заметка так и называлась — «Матрас... подрос» («Крокодил» № 14).

Как сообщает директор объединения Мострансагентства тов. Г. Круглов, неразбериха с упаковкой и отправкой груза произошла по вине работников производственно - упаковочного комбината. За нарушение установленных сроков обработки грузов директор комбината А. Андреев освобожден от занимаемой должности. Пострадавшему П. Крахмальникову принесены извинения и выслан новый матрас.

МОЛЧАНИЕ НАРУШЕНО

Совхоз «Буревестник», что в Кустанайской области, решил создать птицеферму, тем более что пруды располагали к разведению уток. Для этой цели осенью прошлого года он закупил три тысячи уток и поселил их во вновь выстроенном помещении. Зима прошла спокойно, а с наступлением весны начались хлопоты. Утки стали нестись, а что делать с яйцами, никто не знал, так как инкубатора в совхозе не было.

Направили тогда письмо на завод «Пятигорсксельмаш» с просьбой выслать инкубатор. Молчание. Обратились в Казсельхозтехнику. Опять молчание.

После опубликования в «Крокодиле» фельетона «А утки несутся!» (№ 14) директор завода «Пятигорсксельмаш» В. Букреев молчание нарушил. Он сообщил, что совхозу выделен инкубатор.

По тому же поводу...

ВОЗМЕЗДИЕ

В № 27 «Крокодила» за 1970 год была напечатана заметка А. Матлина «Шинель». Рассказывалось в ней о мытарствах нашего читателя В. Высоцкого, который в течение года ездил в ателье на станции Аягуз Казахской железной дороги в надежде получить свою шинель. И когда расходы на поездки превысили стоимость шинели, закройщик Пинягин исчез, оставив записку: «В. Высоцкий. Испорчено».

Следы закройщика затерялись в необъятных просторах страны, но вот на днях «Крокодил» получил письмо от гражданки Пинягиной Надежды Георгиевны из Свердловска.

«Хочу вам сообщить, — пишет Надежда Георгиевна, — что работники Кировского ОВД города Свердловска задержали героя заметки «Шинель» Пинягина, а нарсуд Кировского района осудил его как мошенника и злостного неплательщика алиментов на четыре года лишения свободы. От меня лично большое вам спасибо за то, что появилась эта заметка. Думаю, что именно она помогла найти и наказать преступника».

НЕ В СУФФИКСЕ ДЕЛО

Да, не в суффиксе, оказывается, дело-то. Совсем в другом. И вообще никакого суффикса не было, это только тягостная бредь. Но — все по порядку.

В № 5 «Крокодила» за этот год был напечатан фельетон под названием «Жизненно важный суффикс». В том фельетоне рассказывалось, как встретили рабочего Г. Н. Кононова в Калининском райсобесе города Ленинграда и как отказали ему в льготной пенсии на том основании, что в его трудовой книжке вместо слова «паяльщик» было написано «пайщик». Комиссия по назначению пенсий Калининского райисполкома, куда обратился Кононов, ответила ему буквально следующее: «ПЕРИОД РАБОТЫ В КАЧЕСТВЕ ПАЙЩИКА... НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЗАСЧИТАН В ЛЬГОТНЫЙ СТАЖ, ТАК КАК ПРОФЕССИЯ ПАЙЩИКА СПИСКОМ № 1 НЕ ПРЕДУСМОТРЕНА».

Получив такой ответ, Кононов побежал на предприятие и получил там целый ворох документов: письмо о том, что в трудовой книжке допущена ошибка и что Кононов был не пайщиком, а паяльщиком, архивную справку о прохождении им службы на заводе, справку из завкома, отношение из отдела главного технолога и т. д. и т. п. Даже в трудовой книжке сделали поправку.

Но комиссия, возглавляемая заведующим райсобесом А. А. Никиперовичем, стояла на своем. Пайщик — это не паяльщик, и вы нас не собьете.

После опубликования фельетона все разъяснилось.

И вовсе не в суффиксе загвоздка. Суффикс тут не виноват. Как объяснил нам заместитель министра социального обеспечения РСФСР тов. М. Кравченко, «СОГЛАСНО СПИСКУ № 1 РАЗДЕЛУ XXI ПРАВОМ НА ЛЬГОТНОЕ ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛЬЗУЮТСЯ ПАЯЛЬЩИКИ ПО СВИНЦУ (СВИНЦОВОПАЯЛЬЩИКИ)», а Кононов паял стальные, латунные и медные детали оловянно-свинцовым припоем, что, разумеется, не одно и то же.

Вот ведь какая штука. Одно только непонятно: зачем много месяцев трепали нервы рабочему? И еще: всегда ли в подобных случаях потребуется выступление «Крокодила» или такой вопрос органы социального обеспечения могут решать самостоятельно?

Басир РАСО

ПРОСТОЙ ВОПРОС

— Ты что грустна? Что, собственно, случилось? —
Спросил жену, домой вернувшись, муж. —
Попала к парикмахеру в немилость
Иль не достала для ресничек тушь?

— Ни то, ни это, — молвила печально
Красавица жена ему в ответ. —
Все пустяки, и ничего не жаль, но
Страшит меня гряда грядущих лет.

В предгорьях — зной, а на вершине — снежность...
Скажи, но только правды не таи,
Ты сохранишь ко мне любовь и нежность,
Коль побелеют волосы мои?

— Смешной вопрос! — ответил муж на это. —
Опять проблема локонов твоих!
Да я уж думал — нет такого цвета,
В какой ты не окрашивала их.

Они бывали медными, льняными,
И рыжими, как пламя, и черней,
Чем уголь, и нелепо голубыми...
И все за модой вслед! И все за ней!

Капризы, блажь... Но я тебя ни словом
Не попрекаю за пристрастье к ним,
И если станешь ты седоголовой,
Изволь, не буду против я,
рискни!

Перевел с таджикского В. АЛЕКСАНДРОВ.

— Ей-богу, стыдно смотреть на нашу продукцию!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Р. КИРЕЕВ,
Е. ГОРОХОВ

Двое в одной лодке

Здравомыслящую половину человечества представлял художник Егор Горохов.

— Это вы,— сказала мне жена Егора,— совратили Егора. Он ведь совсем не такой. Его даже на дачу не вытащишь.

Я оборонялся афоризмами.

— Карелия — страна озер,— сказал я тоном, исполненным поэзии.

— Я так и знала,— произнесла жена Горохова побледневшим голосом.— Он утонет.

— Я буду в лодке, — защищался Егор и обреченно косился на тюк, напоминающий зашнурованную в брезент тумбочку.

— Этот комод вы называете лодкой?

— В результате ряда действий,— пояснил я тоном, на сей раз исполненным деловитости,— комод превращается в элегантную байдарку «Салют».

— А обратно? Она не может на ходу обратно превратиться в комод?

Мы выволокли багаж на улицу, заняв полтротуара. Таксисты усматривали нас издали и испуганно прибавляли скорость. Наиболее предусмотрительные прикрывали зеленый огонек ладонью. Неспоручно и невыгодно возиться со столь обремененными пассажирами. На вокзале носильщики не предлагали нам своих услуг.

— Байдарочники! — презрительно цедили они и спешили к южному гражданину, доставившему в столицу дюжину картонных коробок, истекающих запахом скороспелого персика.

Носильщик тоже принадлежит к здравомыслящей половине человечества, и он знает, носильщик, что байдарочник никогда не положит на его тележку свои обтянутые брезентом полцентнера. Суровый кодекс путешествующего человека не дозволит такого. Жарко и тяжело, и пот катит, и не ждет тебя жигулевское пиво в обезумевшем от духоты вагоне-ресторане, и тащишь свой могучий груз бережно, как диетическое яйцо, потом укладываешь его на третью полку, едешь до места, превращаешь комод в элегантную байдарку, проделываешь на ней трудные мили, а потом возвращаешься назад... Зачем? Этого не знает никто.

— Загромоздили купе,— сказал попутчик, от которого пахло кипарисом.— Ехали б в Ялту лучше. Все нормальные люди в Ялту ездят.

Я вступил в теоретический спор, опираясь на Селигер, который освоил прошлогодним августом.

— А что такое Селигер? — поинтересовался человек, от которого пахло кипарисом.

Я обрисовал, пользуясь лучшими цветами спектра. На следующий день в Петрозаводске мое определение было официально опровергнуто.

— Селигер — это лужа,— сказал товарищ Сайков, которого знает страна.— Обеспечили плавучесть байдарки?

— То есть? — пробормотал я.

— Плавучесть, — сказал товарищ Сайков,— это такое качество предмета, которое не дает предмету утонуть. Купите шесть волейбольных камер, надуйте их и попихайте их в нос и корму. На случай, если байдарка перевернется. Шпангоуты укрепили?

— То есть? — пробормотал я.

— Вы из Москвы,— уличающе определил товарищ Сайков, которого знает страна.— Из всех туристов самые неподготовленные — это москвичи. Они же самые недисциплинированные. Их любовь к Карелии не всегда пользуется взаимностью. Карелия — страна чудес, но она любит дисциплину.

А рядом молчаливо укоряли обеспеченной плавучестью минчане и ленинградцы, киевляне и жители города Борисоглебска. Все они явились в комитет по туризму к товарищу Сайкову на предмет консультации. Их много, байдарочников страны, а он в Петрозаводске один, инструктор Сайков, и оттого речь его лаконична и предметна, как сочинения Хемингуэя.

— Рекомендую Шую,— сказал он мне, завершая консультацию.— Река третьей группы трудности. Следите за клещами. Клещи не любят дегтя. Купите дегтя. Тушите костры. Перевернет на пороге — плывите ногами вперед. Следующий!

— И что? — спросил Горохов, который бдил на вокзале подле вещей.

— Река Шуя. Перевернет на пороге — плывем ногами вперед.

— Ногами куда? — переспросил Горохов, поднимаясь с рюкзака.

— Ногами вперед. Чтобы голову не разбить.

— Мрачно говоришь, Киреев.

И он пошел изучать расписание поездов на Москву.

Это было последнее сопротивление души, которую отторгали от здравомыслящей половины человечества.

Художник Горохов добросовестно перенес расписание в блокнот, но ни разу так и не вспомнил о нем. Потому что началась Карелия.

Лакировать действительность не станем. Пороги были, хотя нам так и не привелось воспользоваться советами инструктора Сайкова в отношении ног. Мошкара и комары, о которых идет всесоюзная слава, были тоже. Мы оборонялись от них с помощью тюбиков, на которых написано: «Тонкий слой нанести на открытые части тела». Мы наносили, но незащищенной частью тела оставался рот, и прославленные насекомые устремлялись туда всякий раз небольшим, но сплоченным коллективом. Стало быть, не только от великолепия местности немеешь в Карелии.

И еще был ветер, который превращает тебя в парус, несущий байдарку в обратном направлении. И разбушевавшееся Шотозеро, вознамерившееся перевернуть нас. И была Карелия...

Как описать вам страну Карелию? Ведь вы и так знаете, что именно здесь произрастает знаменитая сосна и что все пейзажи тут со знаком качества. И что всюду — озера. И что в озерах — рыба. Домохозяйка, замыслившая уху, закладывает в печь дрова и, покуда они разгораются, производит с помощью удочки необходимые продукты.

Удочками вооружены здесь все — от сельского почтальона на велосипеде до возчика, который, проезжая на подводе через мост, успевает вытянуть, не останавливаясь, пару плотвичек.

И что по количеству бань на душу населения Карелия занимает первое место — знаете вы, наверное, тоже. Расположены бани непременно на берегу, чтобы, распарившись, было куда бултыхнуться.

— Инфаркт схватим,— шепнул Горохов.— С непривычки.

И шагнул из парной в озеро. Он служил в авиации, художник Горохов.

— Ну что? — спросил я, когда он невредимым вышел на берег.

— У меня кооперативная квартира,— сказал Горохов,— и никто не запретит мне разделить ванную на две части. В одной оборудую озеро, в другой — парную.

...Так как же все-таки, думаю я, описать вам Карелию? Я опишу ее лаконично и опосредствованно. Слушайте.

На московском перроне художник Горохов сказал встречавшей его жене Зое:

— А еще жизнь хороша тем, что можно путешествовать. Это не я сказал, Зоя. Это сказал один наш коллега. Путешественник тоже. Пржевальский его фамилия.

Здравомыслящая половина человечества лишилась еще одного индивидуума.

Карелия — Москва.

— СКАЖИТЕ, КОТОРЫЙ СЕЙЧАС СЕВЕР?

В КАРЕЛЬСКОМ ЛЕСУ.

— НЕУЖЕЛИ ОЧКИ ДОМА ЗАБЫЛ?

— НА ЖИВЦА?
— НА МОРМЫШКУ, НА МОРМЫШКУ!

Ясон ГЕРСАМИЯ

Рассказ

КРИТИКА ПО РЕГЛАМЕНТУ

Раз в год председатель облпотребсоюза Антон Николаевич Герашвили приступает к решению задачи, которая под силу разве что дипломатам высшего класса. Раз в год Антон Николаевич приступает к составлению отчетного доклада о бурной деятельности облпотребсоюза.

Как это и полагается, в отчетном докладе несколько строк уделяется критике-самокритике. В частности, упоминаются фамилии двух-трех руководителей райпотребсоюза, не выполняющих план товарооборота, заготовки яиц, фруктов, строительства новых магазинов, столовых.

В дни, когда Герашвили конструирует отчетный доклад, он так распаляется, что выглядит фельдмаршалом, готовым возглавить решительное наступление войск. Составлению доклада обычно предшествуют длительная артиллерийская подготовка и глубокая разведка.

Например, вчера Антон Николаевич говорил по телефону с председателем райпотребсоюза Сохадзе.

— Послушай, дорогой Сандро, ты не против, если в предстоящем отчетном докладе я тебя немного покритикую?

В ответ Герашвили услышал такой вопль, что трубка едва не треснула:

— Как покритикую? Ты же критиковал меня в прошлом году! Разве ты забыл? Я целых полгода не мог успокоиться после такого позора... Ну, скажи, чем я тебя в этом году обидел? Неужели ты уже всех перекритиковал и опять настала моя очередь?

Герашвили покраснел: он и в самом деле упустил из виду, что в прошлом отчетном докладе действительно критиковал Сохадзе. Конечно, это было бы чересчур.

— Извини, дорогой,— ласково сказал Герашвили.— Знаешь, столько разных дел что голова идет кругом, даже забываешь, кто жив, а кто умер. Да, кстати, как твое здоровье?

— Тебе бы такое здоровье!..

— Ну, не серчай, не серчай...

Герашвили положил трубку и стал напряженно припоминать, кого он уже давно не трогал.

Осилить такую проблему было не просто. Пришлось вызвать для консультации заместителя председателя и начальника отдела кадров. И достойные помощники тоже стали вспоминать, кого председатель ни разу не критиковал в последние годы.

— Квилидзе?..

— Джабуа?..

— Схирладзе?..

— Схирладзе? — переспросил председатель.— Кажется, подходящая кандидатура. Давненько мы его не критиковали.

Так и порешили. Остановились на Схирладзе. Тем более, что и факты подобрались соответствующие: в этом году он не построил намеченную столовую, не организовал на приморском берегу ни одного буфета, не выполнил план товарооборота, а что касается жалоб, так их у него в торговой сети рекордное число. Решили также упомянуть в докладе Джабуа и Квилидзе. Уж года четыре их не тревожили, а, по слухам, дела у них шли из рук вон плохо.

Но решить-то решили, а вот как к этому отнесутся сами критикуемые? Вопрос был не такой простой. Антон Николаевич предложил переговорить со всеми кандидатами по телефону и напомнить им, что наступила их очередь, так что обижаться не приходится. Советники председателя помялись немного, но согласились: что поделаешь, таков обычай!

И вот наступил день собрания. Антон Николаевич взобрался на трибуну, бросил целеустремленный взгляд в зал и начал. Пока все шло хорошо. Читал он доклад, как полагается, по заранее напечатанному тексту, делал паузы на запятых, с достоинством замирал в конце каждой фразы, срывая дружные аплодисменты. Но вот докладчик добрался до критическо-самокритической части. Голос его зазвенел. Схирладзе, Джабуа и Квилидзе даже пригнули головы, когда дело дошло до них. Но тут случилось неожиданное, чего даже сам председатель не мог предвидеть. Не глядя в текст, опережая самого себя, он четко назвал в числе критикуемых Сандро Сохадзе. Очевидно, эта фамилия так глубоко врезалась в его память, что очутилась на языке докладчика против его воли.

Сохадзе, услышав свою фамилию, вскочил с места, замахал руками, как бы желая что-то сказать, но, так и не произнеся ни единого слова, рухнул на сиденье. Конечно, в зале поднялась легкая паника. Докладчик был вынужден запнуться не в конце фразы, а на самой ее середине. И тут Сохадзе, слегка опомнившись, крикнул в сторону трибуны:

— Послушай, товарищ Герашвили, разве в твоем докладе напечатана моя фамилия? Посмотри внимательно.

Герашвили настолько сконфузился, что машинально ответил:

— Да, это моя ошибка. В докладе фамилии Сохадзе нет. Я упомянул тебя нечаянно.

В зале раздался какой-то неуважительный смех. Воспользовавшись суматохой, Схирладзе, Джабуа и Квилидзе тоже стали требовать:

— Погляди, Антон Николаевич, может быть, и наших фамилий нет в докладе? Хорошо погляди.

Но председатель уже пришел в себя и довольно резко ответил нахалам:

— Вы бы помолчали, уважаемые. Ваши фамилии на месте. Я же вас заранее предупреждал!..

Смех в зале почему-то усилился. Пришлось объявить перерыв. Во время перерыва Сохадзе не выдержал, подступил к председателю облпотребсоюза и выложил перед ним суровый ультиматум:

— Так как ты уже все равно опозорил меня, то хоть пообещай, что не будешь критиковать по крайней мере три года.

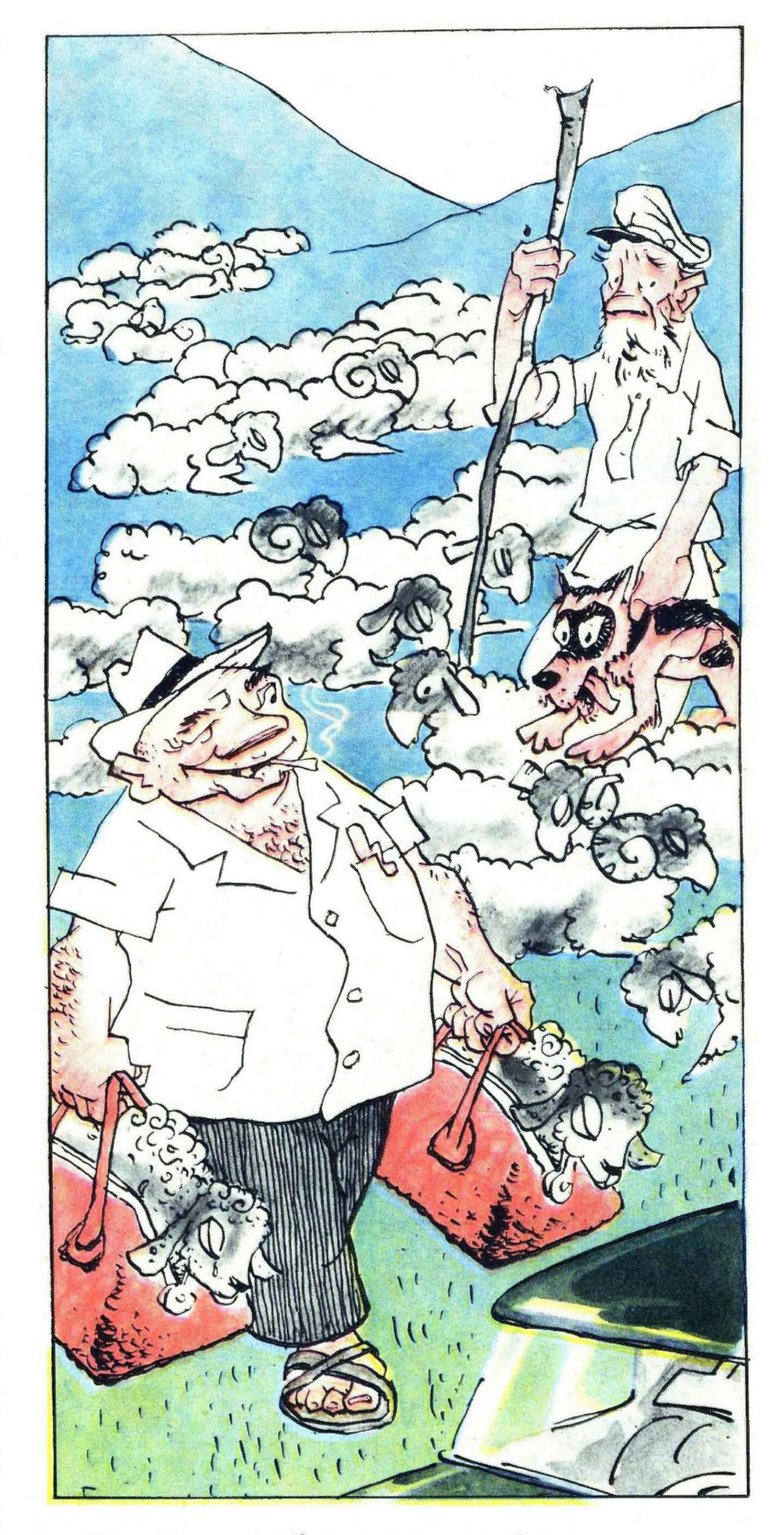
— Я же внес поправку! — упирался Герашвили.

— Нет, дай слово, дай! — настаивал обиженный Сохадзе.

Что оставалось делать? Пришлось бедному Герашвили дать слово, что в течение двух лет он Сандро Сохадзе публично критиковать не будет.

Все-таки один год Антон Николаевич выторговал.

г. Сухуми

— Запиши, что двух барашков волк унес!
— Я запишу: «Волк сумчатый»...

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

МИМОХОДОМ

Не расставался со спасательным кругом: вдруг опять будет всемирный потоп?

Его творческое кредо — полуголый натурализм.

Так привык признавать свои ошибки, что огорчался, когда их у него не находили.

У них было много общего и ничего своего.

Не сошлись характеристиками.

Человек с философским камнем за пазухой.

Если в пьесе не видно мысли, бинокль не поможет.

У робота на душе скребли заводные кошки.

Пустил козла в огород и обрадовался, что решил проблему кормов.

С. МАРКОВ

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Товарищи отдыхающие! Не увлекайтесь отдыхом. Берегите ваши вещи. Уже есть результаты!»

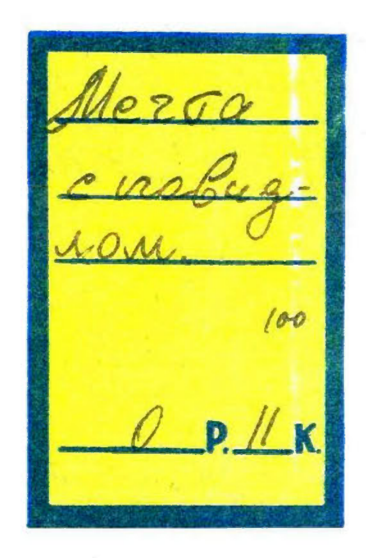
(Такое объявление через каждые 10—15 минут передавалось по радио на Левобережном пляже)

Записал П. Савченко, г. Новосибирск.

«Только врач может, предварительно обработав полость рта, восстановить дефект зуба с помощью пломбы».

(Плакат в детской стоматологической поликлинике)

Прислал Л. Луцкий, г. Ленинград.

(Ценник в столовой).

Прислала З. Демина, г. Нижний Тагил.

«...Прогулы, которые я совершаю или совершал когда-либо, могу объяснить только моим слабоволием, с которым я мог бы справиться при желании. На протяжении всего дня, когда совершаю прогул, я чувствую угрызение совести, которая, как видно, недостаточно сдерживает мои эмоции. Надеюсь в дальнейшем на свою совесть и думаю, что она все-таки возьмет верх над моими эмоциями, и у меня не будет больше прогулов, которые могли бы подмочить мою репутацию. Мне бы хотелось, чтобы вы поверили и поняли мое раскаяние».

(Из объяснения)

Копию снял А. Бресловец, г. Новгород.

«Заявление
Директору завода
от Семенцова В. И.

Прошу меня уволить с работы по собственному желанию, потому что бегал в магазин за вином».

Прислала А. Ежелина, г. Серебрянск.

«Укуланский орс набирает силу для разгрузки барж мукой, крупой, комбикормом.
Администрация».

Прислал П. Кангин, г. Томмот, Якутской АССР.

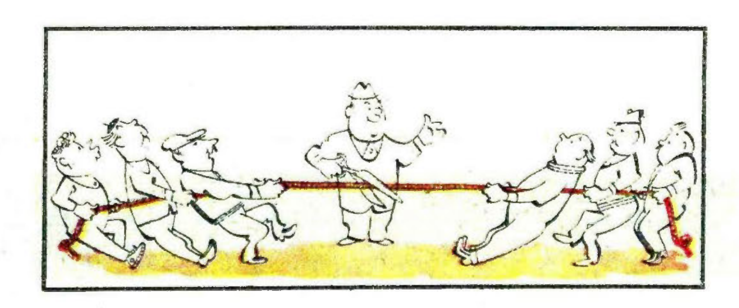
— У вас нет лишнего билетика?

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

— Конечно, поганки, но какие ножки...

Рисунок М. БИТНОГО

Торжественное открытие

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

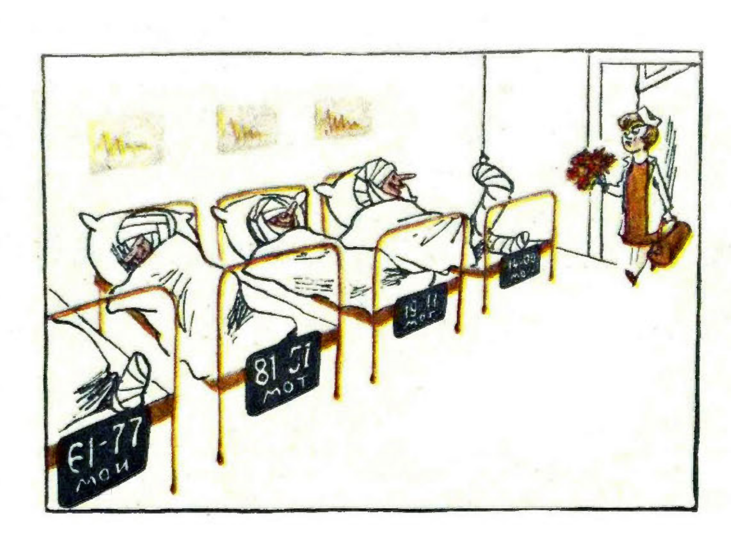

Рисунок А. ГРУНИНА

Марат КАРИМОВ

КОГДА ЖЕ ЯВИТСЯ САТИРИК?

Юный сатирик смело взялся за перо и, заострив сердце мужеством, написал эпиграмму на довольно известного писателя. В редакции приняли ее с удовольствием и от душк посмеялись.

— Ну и здорово же поддел!

— Великолепно уязвил, молодчина!

— Давно бы так-то!

Победно прошествовав по всем редакционным кабинетам, эпиграмма вновь улеглась на столе литначальника.

Обретший уверенность после столь нежданного успеха, автор осмелился спросить:

— Выходит, опубликуете?

Литначальство посмотрело на сатирика с нескрываемым сожалением.

— Должен тебе заметить, молодой человек, между эпиграммой, что переходит из уст в уста в кулуарах, и той, что бывает пригодна для публичной огласки, дистанция огромного размера. Газету читают тысячи людей. Мы не имеем ни малейшего права грубым словом шельмовать видного писателя и тем самым подрывать его авторитет перед широкими читательскими массами. В данном случае нужно быть крайне осторожным. Чуть перегнешь палку — боже сохрани! — она и сломаться может. А впоследствии на чью голову обрушатся оба конца этой самой палки? Вот на эту! — Литначальство грозно шлепнуло по собственной лысине. — И пойдут тогда, я тебе скажу, звонки со всех концов, нездоровые намеки вплоть до угроз привлечь автора вместе со мной к строгой ответственности. Все это известно нам до самых тонкостей... В общем, лучше пересмотри-ка заново свою эпиграмму. Не надо так грубо, смягчи-ка ты свой удар, смягчи. Не будет никакого вреда, ежели между строками твоего шедевра будет прорываться доброжелательная улыбка. Коли тебе так уж хочется ущипнуть его, сделай это не слишком чувствительно...

Юный сатирик заново переписал свой труд. Вняв разумному совету, он поначалу похвалил, а потом походя легонько ущипнул маститого.

Во второе посещение редакции сатирика приняли не так радушно. Ни заразительного смеха, ни одобрительных улыбок в свой адрес он не встретил.

— Первая часть вполне сносная, — резюмировало литначальство, подчеркнув эти строки красным карандашом. — Только вот эта последняя строка звучит обидным диссонансом основной мысли. Надо будет поправить ее так, чтобы она стала созвучной общему духу вещи.

Через день, весь пронизанный внутренней дрожью, юный сатирик принес в редакцию третий вариант своего творения.

— Переделал так, как вы велели, строку подогнал под общий дух, чтобы созвучной стала, — сказал он, подавая рукопись.

Литначальство прочло внимательно и соизволило пожать трепетную руку творца.

— Вот теперь она стала вполне пригодной для публикации. Все в порядке... Только почему эпиграмма? Это название как-то уже не соответствует общему духу и внутреннему содержанию вещи. Я полагаю, вы не будете в обиде, ежели мы назовем ее одой.

Сатирик был юн во всех отношениях и по этой причине не научился еще отстаивать свои творческие позиции.

Когда он покинул кабинет, литначальство с горечью вздохнуло и осуждающе заметило:

— Одни только оды и сочиняют, угождая друг другу. Ну когда же на литературном поприще явятся истинные сатирики? Совершенно засохла сатирическая жила в критике!.. Совершенно!..

Перевел с башкирского С. Сафиуллин.

Мих. ХОНИНОВ

Хоть на аршин...

Ишак увидел
спящего Верблюда
И, на Верблюда
глядя свысока,
Так заорал,
чтоб слышно было всюду:
«На целый горб
он ниже ишака!»
И в этом заявлении,
не скрою,
Услышал я
восторженность глупца, —
Вот так глупец
становится порою
Хоть на аршин
да выше мудреца!

Перевел с калмыцкого Андрей ВНУКОВ.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

РЕКЛАМЫ И ОБЪЯВЛЕНИЯ

Объявление в швейцарской газете «Тагеблатт дер штадт Цюрих»: **«Ищу меблированную комнату. Я студент, но с короткими волосами».**

Фирма ДМВ в Дюссельдорфе (ФРГ) таким способом рекламирует зажигалку в виде ручной гранаты: **«Этот предмет, стоящий на вашем письменном столе, может значительно упростить трудный разговор».**

— Дети уже начинают задавать вопросы.
— Где их отец?
— Нет, куда ты спрятал награбленное.

«Пуркуа па» (Бельгия).

— Нет, капитан, трубы в порядке.

«Эуропео» (Италия).

Власта СМРЖОВА (Чехословакия)

СРЕДСТВО ОТ МЕЛАНХОЛИИ

Взор коллеги Дворжака заметно угас. И шейный шарнир у него ослаб, отчего головушка коллеги Дворжака как-то понуро зависла.

На правах бригадира я пригласил коллегу Дворжака за фанерную загородочку и предложил ряд лобовых вопросов вперемежку с наводящими.

— Что случилось!
— Ничего.
— Что-нибудь в семье?
— Угу.
— Что-нибудь с женой?
— Ушла.
— Что собираешься делать?
— Топиться.

Нужно было срочно спасать коллегу Дворжака—для жизни и производственного плана.

Человеку, собирающемуся топиться, смешно рекомендовать холодные обтирания. Требовались более сильнодействующие и притом срочные средства.

— Прекрасно,—сухо сказал я.— Топиться так топиться. Но как сознательный производственник вы обязаны сдать спецодежду и казенный инструмент.

— Обязан,—депрессивным шепотом согласился коллега Дворжак и начал расстегивать пряжки на комбинезоне.

Кладовщица пани Браунова велела ему явиться в четверг, поскольку в среду у нее была инвентаризация.

В четверг пани Браунова велела Дворжаку принести справку от бригадира о том, что правую брючину на коленке он разорвал по роду работы, а не по пьяной лавочке.

Я дал исчерпывающую справку о том, что по роду работы он мог протереть только левую штанину, чем основательно запутал дело. Тогда пани Браунова послала коллегу Дворжака в бухгалтерию, чтобы у него удержали 7 крон за амортизацию комбинезона.

Бухгалтерия направила Дворжака вместе с комбинезоном в палату товарных экспертиз для исчисления процента износа. Оттуда он вернулся в бухгалтерию, но его снова отослали к пани Брауновой за сводной справкой о количестве старых комбинезонов, скопившихся на складе. Весь день Дворжак и Браунова ворошили кучи измызганных спецовок. Собственно, Дворжак перекидывал, а Браунова записывала. А может быть, Браунова перебрасывала, а Дворжак фиксировал. Впрочем, кто это знает, если на двери каптерки весь день болталась табличка: «Закрыто на учет».

Вечером, дожидаясь на остановке автобуса, я увидел Браунову и Дворжака. Они шли под руку. С сияющими глазами, давясь от смеха, Дворжак шептал что-то на ухо кладовщице. Та заливисто хохотала.

Я знал, что делал...

Ноэль КЛАРАСО (Испания)

Поговорим...

В субботу после обеда она сказала ему:

— А завтра? Ты опять пойдешь с друзьями на футбол, потом засядешь за покер, а я — опять одна. А ведь мы могли бы провести один вечер вместе: ты и я.

— Ты и я?

— Разве мы не муж и жена?

— Да, но... Не будет ли нам скучно?

— Мы поговорим. Мы никогда не разговариваем. Давай просто поговорим.

— О чем?

— Обо всем. Мы должны говорить обо всем.

— Хорошо. Решено. Завтра — ни футбола, ни покера. Весь вечер с тобой.

На следующий день, в воскресенье, после обеда он удобно устроился в кресле и сказал жене:

— Итак, сейчас четыре часа дня. До вечера у нас по крайней мере часов шесть, чтобы поговорить обо всем. Чудесно! Начинай!

Она посмотрела на него с удивлением.

— Начинай ты,— проговорила она.

Он, не заставив долго себя упрашивать, начал:

— Вчера в официальном бюллетене вышло новое распоряжение об изменении платежной системы. Естественно, если они решили устранить посредников...

— Не будь таким нудным, я не хочу говорить об этих вещах.

— Но это моя работа. Конечно, если ты хочешь, поговорим о твоих вещах.

— О наших, дорогой...

Он осмотрелся и начал:

— Вот те четыре стула меньше, чем эти два кресла, кроме того, у них разная обивка... Люстра... у нас одна люстра... и один ковер. А на этой картине нарисовано дерево и машина... у стола четыре ножки...

— Ты меня не так понял.

—Тогда говори ты. Я внимательно слушаю тебя.

— Нет, я так не могу, я даже не знаю, что сказать...

Не прошло и полчаса, как она уже уговаривала его пойти на футбол и почаще приглашать друзей играть в покер...

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

РЕКЛАМЫ И ОБЪЯВЛЕНИЯ

Во французском журнале «Гастроном» появилось объявление: **«Вожу автомобиль, езжу верхом, плаваю, играю в теннис. Ищу для возможного супружества молодого человека, умеющего готовить».**

На одном из кладбищ Пенсильвании (США) висит дощечка, на которой написано: **«Рвать цветы на могилах, кроме своей собственной, воспрещается».**

Дирекция парижской больницы в районе Шайо поместила в газете следующее объявление: **«Ввиду недостатка мест будущие матери должны подавать заявки на койки за десять месяцев до родов».**

— Хотелось бы мне точно знать, сколько у меня всего родственников.

— Это очень просто сделать. Купи дачу.

●

Еще в середине первого действия зритель вышел из зала и попросил деньги обратно.

— Вам не нравится пьеса? — спросила кассирша.

— Наоборот, очень нравится.

— Может быть, у вас было неудобное место?

— Что вы, превосходное место!

— Так в чем же дело?

— Мне просто страшно сидеть одному в таком огромном зале.

●

— Я вижу, вы теперь женатый человек.

— Как вы узнали?

— Очень просто. У вас теперь пришиты все пуговицы на пальто и на костюме.

— Да, вы правы. Первое, что сделала моя жена,— научила меня пришивать пуговицы.

— Доктор, пациент из 11-й палаты чувствует себя уже лучше: сегодня первый раз заговорил.

— А что он сказал?

— Что чувствует себя ужасно.

●

Комиссар французской полиции заполняет протокол на задержанную воровку. Будучи страстным почитателем женской красоты, в рубрике «глаза» пишет: «Черные, пылающие, выразительные, полные страсти и мольбы. Одного не хватает».

●

— Аквариум — моя слабость. Я могу часами любоваться экзотическими рыбками.

— А что на это говорит твоя жена?

— Это не ее забота, чем я занимаюсь на службе.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

КРОКОДИЛ

№ 23 (1997)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали М. Битный, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жаринов, Г. и В. Караваевы, В. Космылин (Казань), Ю. Степанов, В. Тильман, Е. Шабельник, Н. Щербаков.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 30/VII 1971 г. А 10904. Подписано к печати 9/VIII 1971 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1 завод: 1 — 3 609 620). Изд. № 1538. Заказ № 1673.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

— Вам нравится мой малыш? Он уже начал говорить!

— О'кэй! Тогда я ему задам несколько наводящих вопросов...

Рисунок В. ГОРЯЕВА